

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 36

С приложением „Судебная практика“
(приложение выходит 2 раза в месяц).

К настоящему номеру приложена «Судебная
Практика» № 17.

17 Сентября 1929 года

Рабочий актив вовлечь в правотворчество.

Буржуазные государства, устанавливая правило, по которому «никто не может отговариваться незнанием законов», в то же время не предпринимают ничего для того, чтобы законы страны действительно были бы известны широким кругам населения.

Буржуазное законодательство делается достоянием наиболее обеспеченных групп населения, которые к тому же при помощи адвокатов, за соответствующую, конечно, плату, используют знание законов для того, чтобы силу этих законов обрушивать на головы менее обеспеченных слоев населения.

Мы в советском государстве не исходим из лицемерного предположения о том, что закон известен всем гражданам. Уголовный кодекс предписывает считать смягчающим вину обстоятельством, если преступление совершено по невежеству или неосознанности. При рассмотрении конкретных дел — уголовных, гражданских и административных, разрешающие эти дела органы исходят из действительной возможности требовать знания тех или иных законодательных норм от отдельных участников дела.

Однако, для действительного укрепления начал революционной законности и успешного проведения дела советского строительства необходимо широчайшее ознакомление трудящихся с мероприятиями правительственных органов, находящими отражение в издаваемых изо дня в день законодательных актах.

Мало этого. Знание законов нужно трудящимся не только для того, чтобы уметь исполнить закон, не подвергнуться каре или не попасть в невыгодное положение вследствие неисполнения закона. Точно также знание законов своей страны трудящемуся нужно не только для того, чтобы во-время заметить нарушения, задевающие интересы данного трудящегося, уметь бороться с правонарушениями, знать куда и как обратиться в тех или иных случаях нарушения законных прав коллективов или отдельных представителей трудящихся.

Знание своих законов трудящемуся нужно еще для того, чтобы иметь возможность вплотную принимать участие в правотворчестве, для того, чтобы иметь возможность дать заключение о достоинствах или недостатках, о соответствии интересам трудящихся или отсутствии такого соответствия тех или иных законодательных актов.

Постановления о необходимости широкой популяризации законодательства неоднократно принимались партийными конференциями и съездами, а также спе-

циальными совещаниями, например, совещанием по вопросам советского строительства при Президиуме ЦИК СССР.

С целью популяризации законодательства проводится работа (к сожалению, недостаточная) по изданию популярных брошюр правового содержания; открыта сеть бесплатных юридических консультаций на предприятиях, на правовые темы проводятся беседы, организуются вечера вопросов и ответов, делаются доклады. Однако, все эти мероприятия оказываются недостаточными для того, чтобы возбудить активность рабочих масс и вызвать из этих масс товарищей для участия в деле советского строительства путем критики издаваемых законов, внесения новых предположений и проектов по дополнению или изменению действующего законодательства, или хотя бы путем дачи отзывов о том, соответствует ли тот или иной закон насущным интересам данной группы трудящихся и чего для осуществления этих интересов в законе не хватает, или какая в нем замечается неувязка.

Между тем, интерес к законодательству и желание участвовать в правотворчестве в рабочих массах велики. В этом можно легко убедиться при проведении на любом предприятии беседы на тему о законодательных мероприятиях, касающихся интересов широких трудящихся масс.

В то же время эти законодательные акты зачастую оказываются в отдельных своих частях, а иногда и в целом, неудовлетворительными, и, по признанию самих трудящихся, нарушающими интересы последних.

По поводу формы, которая придается некоторым, из заслуживающих самого широкого внимания пролетарских масс, законам, мы находим в одной из недавних газетных статей следующий вполне справедливый отзыв: «У нас еще, к сожалению, до сих пор сидят в различных учреждениях и комиссиях по выработке законов некоторые спецы — старые юристы, которые не только не в состоянии сделать что-либо положительное в этом направлении, но иногда делают и все от них зависящее для того, чтобы исказить советские законы и отпугнуть от них трудящиеся массы»¹⁾.

К этому надо добавить, что, с другой стороны, некоторые из наших законодательных актов по своей редакции, а иногда и по содержанию, свидетельствуют о том, что они составлялись наспех, без приведения их

¹⁾ «Изв. ЦИК» № 157 от 12 июля 1929 г. И. Черняк — «В наступление на фронте теории права и государства».

в согласование с ранее изданными постановлениями и иногда без достаточного учета невыгодных последствий этих законов по прошествии некоторого ближайшего периода времени для тех именно категорий трудящихся, интересы которых имелось в виду защитить издаваемым законодательным актом.

Иногда недостаточно предусматривается ряд логических последствий, вытекающих из того или иного положения, принимаемого издающимся законодательным актом, и данный закон оказывается недостаточно полезен для трудящихся именно в силу тех сомнений и споров, которые неизбежно вызывает издание недостаточно отшлифованного и недостаточно обсужденного в деталях законодательного акта.

Все такие недочеты могли бы быть легко устраняемы, если бы была создана возможность для наиболее передовых и сознательных представителей рабочего актива: 1) быть своевременно осведомленными об издающихся законах, касающихся интересов широких трудящихся масс, и 2) дать отзыв о тех или иных недочетах или неясностях изданного закона, требующих немедленного исправления.

Такая возможность открылась бы с изданием специального популярного рабочего журнала, в задачи которого входило бы, с одной стороны, широкое осведомление рабочего актива о всех имеющих серьезное значение в жизни трудящихся законах, и, с другой стороны, критика этих законов и помещение отзывов, замечаний и предложений об изменении, дополнении, а иногда даже и отмене тех или иных законодательных актов.

К делу создания такого журнала, а также к участию в нем должны быть привлечены также те профсоюзные организации, через которые проходят жалобы и претензии трудящихся по вопросам их труда и быта, т. к. указанным организациям зачастую виднее бывают те малые дефекты, а порой и крупные недочеты нашего законодательного аппарата, которые отражаются на интересах рабочих. Устранение недочетов значительно сократило бы число судебных споров, возникающих у трудящихся вокруг неясного законодательного акта, упростило бы рассмотрение претензий и споров и сделало бы наше законодательство более доступным, понятным и близким широким массам трудящихся.

Интерес и участие представителей рабочего актива в предлагаемом мероприятии обеспечивается тем личным отношением, которое выявляется рабочими массами при привлечении их представителей для работы в административно-правовой, бытовой и жилищной секциях советов, а также при привлечении рабочего актива на работу по оказанию правовой помощи населению через юридические консультации профсоюзов.

Обращение к широким рабочим массам путем издания специального журнала, посвященного вопросам советского права и строительства, при придании этому изданию широкого практического значения привлечет к участию в правотворчестве значительные кадры рабочего актива, могущего и желающего принять участие в этом деле.

Связь, которая будет создана этим изданием между рабочими массами и законодательным аппаратом, будет одновременно служить и цели широкого осведомления трудящихся с текущим законодательством и цели привлечения трудящихся к участию в законода-

тельстве, создаст живую и здоровую критику законодательных мероприятий и послужит делу совершенствования нашей законодательной техники.

В. Островский.

От редакции. В настоящее время Госюриздатом прорабатывается вопрос об издании специального для рабочей аудитории журнала по правовым вопросам.

Методы и практика работы общего надзора в деревне.

Новые опыты работы общего надзора в деревне, намеченные 3-м прокурорским совещанием, помогли более четко определить основные задачи этой работы, которые можно свести к следующим: систематическое постоянное наблюдение за проведением законов в жизнь сверху и снизу и организация борьбы со всеми нарушениями ревзаконности; проявление законодательной инициативы, поскольку на опыте работы выявляется, что данный закон или совокупность законов не соответствует в должной мере задачам, которые партия выдвигает на данный отрезок времени; сигнализация партии и правительству о тех классовых сдвигах, в результате которых имеют место те или иные правонарушения. Общий надзор, таким образом, является опорой партии в нынешней очень сложной обстановке классовой борьбы.

При такой постановке особое значение приобретает вопрос о том, в какой мере, в результате решений XV Съезда партии и 3-го прокурорского совещания, на местах перешли к новым методам и формам работы. Материалы с мест указывают на то, что имеются успехи в смысле перехода к новым формам работы. Эти новые формы еще далеко, однако, не заполнены новым содержанием. Тут мы имеем только первые шаги, наличие первых сдвигов. О переходе к новым формам, новым методам работы мы имеем не только материалы нашей прокурорской периферии. По этому вопросу были проведены три специальных обследования — Московской, Ленинградской и Тульской прокуратур — и использовано много дополнительных материалов, полученных от ведомств, соприкасающихся с работой органов юстиции, в частности, от Наркомзема, Колхозцентра. Таким образом, имеется возможность некоторой перекрестной проверки.

Первый показатель устанавливающихся новых форм работы — выезды и количество дней, проведенных прокурором в деревне. Если в Ленинградской области в 1-й половине 1927 г. было 276 выездов, то во втором полугодии 1928 г. их было уже 425; на Северном Кавказе, соответственно, вместо 392 было 552 выезда, и в Сибири — вместо 425 — 511; на Урале — вместо 416 — 532 выезда. Количество проведенных дней в деревне в своем росте, примерно, в полтора раза увеличивается. В Ленинградской области было проведено в деревне 1.080 дней в 1-м полугодии 1927 г. и 1.590 — во 2-м полугодии 1928 г., на Северном Кавказе — вместо 1.600 — 2.229 дней и т. д.

Рост количества выездов и дней, проведенных в деревне, является, на наш взгляд, одним из первых показателей перехода к новым формам работы. Речь идет пока только о формах, а не о содержании. Другой показатель — рост поступающих и рассматриваемых

жалоб от показательных для нас социальных групп—бедноты и батрачества в первую очередь. Так, например, в Ленинградской области за 2-е полугодие 1927 г. было рассмотрено таких жалоб 87, а в этом полугодии—245; в Сибири—289, а теперь 710; на Урале—267, теперь—391. Мы не приводим цифр роста крестьянских жалоб вообще, они гораздо более резко возрасли в результате обострившейся классовой борьбы и наступления на кулака. Жалобы, идущие от кулаков, не являются показателем перехода к новым методам работы. Жалобы от батраков и бедноты—при чем, в особенности, коллективные жалобы—уже результат новых методов, показатель роста влияния прокуратуры в деревне.

В связи с этим стоит и второй вопрос—что это дало в смысле роста авторитета прокуратуры на местах? Вывод по этому вопросу приходится строить на ряде косвенных показателей. Произвести референдум и опросить население, как оно относится к прокуратуре—очевидно нельзя. Какие сведения поступают по этому вопросу с мест? Оренбургский прокурор сообщает, что когда в деревне ставится доклад прокурора, помещение не вмещает желающих присутствовать. Из ряда мест пишут, что на собраниях задают по 200 и больше вопросов, что на докладах в селах присутствуют по 300 и больше граждан.

Проявляется ли в этом рост авторитета прокуратуры или рост потребностей населения в разрешении правовых запросов? Несомненно, имеет место и то и другое. Растут потребности, но если бы прокурор не имел авторитета в деревне, не был популярен—к нему не обращались бы за разрешением запросов.

Рост авторитета прокуратуры, в результате новых методов работы, можно видеть и по другим показателям. За последнее время в Ленинградской области, например, в Новгородском и Череповецком округах, на 27 районных с'ездах советов стояли доклады прокурора. Доклады и выступления прокуроров во время перевыборов советов практиковались на с'ездах, совещаниях в губерниях и округах.

Есть ряд практических показателей—количество жалоб, которые удается разрешить, количество тех нарушений революционной законности, которые прокурор открывает при своих выездах на места. (В одном только Вугурусланском округе при выезде прокурора было подано 371 заявление о расторжении кабальных сделок, из которых разобрано судом с участием прокуратуры 241 дело). По большинству отчетов и материалов, имеющих в общем надзоре Прокуратуры Республики, видно, что количество кабальных сделок и вообще земельных дел, возникающих в результате докладов и бесед, которые прокуратура проводит с беднотой, все растет. Нарушения революционной законности, которые выявляются при этих беседах, имеют уже большое цифровое выражение.

Было бы, конечно, неверно, если бы мы за этим переходом к новым формам не разглядели, не остановили бы специально внимание на том, что эти новые формы далеко еще не наполнены новым содержанием.

Выезды в деревню, за редкими исключениями, хотя и представляющими не десятки, а сотни случаев, но все же исключениями, бывают не подготовлены; прокурор, выезжая, не знает основных социальных трудностей, которые его ждут в данном селе. В большинстве случаев имеется такое положение, когда прокурор выезжает неподготовленным, обстановка в деревне для

него незнакома в достаточной мере, и его доклад, поэтому, в большинстве случаев носит общий характер, не строится на конкретных материалах жизни данной деревни.

Лицо тех собраний, которые прокурор собирает, для него, в большинстве случаев, остается неизвестным, несмотря на то, что актив имеется и все возможности провести подготовительную работу также имеются. Зачастую на собрания не приходят как раз те, на кого прокурор должен и может опираться,—нарзаседатели, общественные обвинители или члены полумифических юрбаз. Прокурор не имеет, не создает тех щупальцев в деревне, которые помогли бы нащупывать большие места, вскрывать гноиники.

Не везде еще сельсоветы стоят на должной высоте. Имеется немало случаев сращивания с кулацкими элементами деревни, но прокурор, приезжая на место, лишен всякой возможности через свои непосредственные щупальцы, или хотя бы через селькоров, нащупать реальную обстановку.

В тех местах, где прокурор обрастает своим, хотя бы небольшим, активом, через который он проводит свою работу, дело сразу становится на крепкую почву. Плохая организация выездов на места—один из крупнейших недостатков, вытекающих из того, что новые формы еще не наполнены новым содержанием. Наряду с этим, тот факт, что прокурор в ряде случаев не знает социального состава собрания, перед которым он выступает, и не имеет своего крепко сколоченного актива, через который он проводит свою работу, а отсюда свой доклад строит на темы «вообще», а не исходя, в частности, из того, что гнетет именно эту деревню,—в значительной степени сводит на-нет переход к новым формам работы.

В этой части еще только-только намечается первый сдвиг, наметка перехода к новому содержанию. Наиболее характерно это выявляется, когда мы переходим к выполнению постановления XV партийного с'езда по вопросу о борьбе с нарушением законов о национализации земли.

Из тех материалов, которые были у нас собраны, видно, что только на 30% выявленных случаев нарушений земельными и всякими другими органами закона о национализации земли прокурорский надзор реагировал привлечением к ответственности, при чем, надо сказать, что в области нарушений закона о национализации земли есть случаи, имеющие широкое распространение. В Брянской губернии в 1928 г. было открыто дело о продаже зажиточными хуторянами участков земли, при чем продажа производилась открыто и санкционировалась ВИК'ом (таких случаев очень и очень много).

Нарушителям закона о национализации земли даже не приходится прибегать к особым маневрам для обхода закона. Может быть сейчас, когда мы немножко принажили в этой области, враг станет хитрее и изворотливее. Был случай, когда сельсовет, может быть наивно, а может быть и совсем не наивно, регистрировал усыновление 70-летним стариком другого 60-летнего старика, у которого имелись уже наверное свои внуки. «Отец» после усыновления уезжал и оставлял свой участок земли этому «усыновленному». Особенно много злоупотреблений имеется с переселенцами. В Троицком округе был случай, когда один гражданин в течение полутора лет менял жительство в трех общинах, в каждой получал землю, строил землянку и

под видом продажи этой землячки, передавал землю переселенцам на сумму, во много раз превышающую стоимость постройки, затем переезжал в другое место и повторял то же самое. Есть огромный материал, рисующий, как это делается.

Все же имеется масса случаев, когда такие сделки совершаются открыто и санкционируются местными органами власти. Может быть это объясняется и правовой неграмотностью, но, надо думать, что главная причина не в этом.

Как выполняют прокуроры директивы съезда по этому вопросу? В большинстве случаев они пишут, «что работа только разворачивается, но еще не получила должного развития». Прокуроры крупнейших областей говорят, что в области нарушений закона о национализации земли, аренде и субаренде они только приступают к работе, нащупывают почву, причем весьма часто нащупывают случайно, по отдельным жалобам и т. д.

Самое характерное, что является общим недочетом для всех местных прокуратур, это то, что все отдельные случаи, даже когда они достигают сотен, реализуются, как отдельные случаи, и только. Все попытки получить материал, по которому можно было бы судить о тенденции роста или падения того или иного вида преступности, какие социальные прослойки в деревне втягиваются в эти виды преступности, не дают результатов—прокуроры на местах этих делом мало занимаются.

Не лучше обстоит работа по борьбе с лжекооперацией и лжеколхозами, что сейчас, при наличии попыток срыва генеральной линии партии в области реконструкции сельского хозяйства, имеет особое значение.

Например, такие случаи, когда по Ульяновскому округу из 850 кооперативов было ликвидировано, как лжекооперативы—520, или когда в Брянской губ. ликвидировано 979 лжекооперативов, а по Средне-волжской области после проверки 3.224 колхозов и хозяйственных объединений предложено к ликвидации 1.050 (из материалов Райхозцентра)—должны были привлечь особое внимание органов юстиции, как серьезное нарушение генеральной линии нашей партии. Было бы величайшей политической наивностью полагать, что все эти лжеколхозы строились только в целях получения экономических благ, только для того, чтобы получить тот или иной кредит, хотя и это играет большую роль. Тут надо искать и политические попытки взять в свои руки наше могущественнейшее оружие в переустройстве деревни.

Нужно совершенно определенно сказать, что прокуратура еще не подошла вплотную к выполнению этих задач, хотя в этой части очень много открыто по инициативе прокуратуры.

Прокуратура на местах общих политических выводов из своих материалов по отдельным случаям не делает. Более серьезные попытки обобщать материалы, делать выводы имеются в отношении отдельных кампаний.

Таким образом, задачи быть сигнализатором партии в отношении классовых сдвигов в деревне, ставить инициативу пересмотра законов—прокуратура еще в должной мере не выполняет.

Некоторые факты характеризуют переход к новым методам работы при проведении трех основных кампаний: пере выборы советов, хлебозаготовки и сельхозналог. Больше всего инициативы было проявлено про-

куратурой при проведении хлебозаготовок. Ставились вопросы об изменении и дополнении законов в ряде мест, проводилась большая работа по выправлению перегибов. Опыт учитывался и обобщался. В процессе хлебозаготовок у некоторых прокуроров появилось несколько паническое настроение. Говорили, что прокуратура теряет авторитет, теряет свое лицо и пр. Это были, однако, только отдельные случаи. В связи с хлебозаготовительной кампанией, судя по материалам, авторитет прокуратуры пал в глазах кулаков и им подобных элементов, а среди бедноты и середняцких элементов авторитет прокуратуры поднялся. В пере выборах советов и по сельхозналогу прокуратурой на местах была проделана большая работа, но никаких политических выводов и конкретных предложений в области законодательных изменений не было сделано.

До сих пор общий надзор на местах считал, что его основная задача разбирать конкретные жалобы конкретные случаи нарушений законности, а вопрос о законе по существу, о классовых сдвигах, о политических выводах считал делом других органов. Только сейчас и только в вопросе больших кампаний—по пере выборам советов, хлебозаготовкам, сельхозналогу—прокуратура совершенно по иному начала строить свою работу. Мы имеем теперь с мест первые попытки обобщения политических выводов, проявления законодательной инициативы. Этого раньше не было.

Борьба с нарушениями закона о национализации земли и кабальными сделками, выявление лжекооперативов и лжеколхозов еще идет по преимуществу по старому, нового подхода к работе по существу, а не только по форме, еще нет. Намечаются первые сдвиги.

Вот почему Коллегия НКЮ, заслушав 20/VII—29 г. доклад о работе в деревне, усматривает, что «1) сдвиг в работе еще не является достаточно решительным и повсеместным;

2) в ряде районов методы работы в деревне продолжают оставаться такими же, какими они были до 3-го прокурорского совещания;

3) инициатива, активность и самостоятельность прокуроров в борьбе за революционную законность местами недостаточна;

4) прокуратура еще не проявила себя, как организатор общественного актива и всех звеньев советского аппарата (сельсоветов, вик'ов, рик'ов и т. д.) в борьбе за ревзаконность, в результате чего на некоторых наиболее актуальных участках этой борьбы (с обходом закона о национализации земли, лжекооперацией, кабальными сделками, нарушениями правил кредитования и пр.) успехи следует признать явно недостаточными;

5) отсутствует система в работе по проверке исполнения законов как в центре, так и на местах. Надзор за правовой деятельностью центральных ведомств и наркоматов продолжает оставаться недостаточным;

6) на местах опыт работы в должной мере не обобщается и из него не делается своевременно политических и практических выводов».

Основная задача общего надзора на местах—внимательно учесть все отмеченные Коллегией НКЮ недочеты и на основе как ее практических предложений, так и местного опыта решительно и энергично приступить к их исправлению.

Ф. Нюрина.

К вопросу о построении органов юстиции в автономных республиках.

За последнее время ряд статей, помещенных в «Е. С. Ю.» за 28—29 г.г., ставит вопрос о том, какова должна быть система и построение органов юстиции в автономных республиках, другими словами — нужны или не нужны паркоматы юстиции в этих республиках.

Для того, чтобы более или менее правильно ответить на этот вопрос, нужно исходить: 1) из тех причин, которые заставили пересмотреть систему и построение органов юстиции и не только в автономных республиках, но и по всему СССР, и 2) той политики нашего правительства, которая на базе экономики сегодняшнего дня и ради лучшего и полного выполнения пятилетнего плана народного хозяйства организует систему управления вообще и органов юстиции, в частности.

Всем известно, что на XV Съезде нашей партии достаточно серьезно были задеты как суд, так и прокуратура. Ряд делегатов Съезда отмечал бюрократизм и вслокитку в наших органах, отмечал громоздкость и сложность построения судебно-прокурорской системы, касался вопросов руководства.

Это первая причина, которая должна была заинтересовать органы РКИ, и, в результате, к настоящему времени мы имеем предложения группы т. Радус-Зеньковича по судебно-следственным органам и прокуратуре, утвержденные Коллегией НК РКИ СССР от 30/XI—28 г. за № 39 п. 3, и, казалось бы, подлежащие исполнению.

Политика нашего правительства в области организационных изменений в системе управления должна быть также нам хорошо известна, так как в докладе тов. Рыкова на XVI партконференции о пятилетнем плане она получила свое освещение в форме определенной установки, а именно: «Местные органы до сих пор часто справедливо жаловались на чрезмерную централизацию управления хозяйством, при которой иногда даже затрагивались конституционные права республиканских или других органов. До сих пор мы, действительно, грешили тем, что административно-оперативную работу в огромном государстве, с населением свыше 140 милл. человек, с гигантской территорией, сосредоточивали «на вышке», в руках немногих центральных органов. Небольшое число руководителей этих органов стремилось собрать в своих руках огромное количество работы административно-оперативного характера. После утверждения пятилетнего плана и создания областных органов, мне кажется, можно будет внести большие изменения в систему управления хозяйством».

Это, несомненно, относится и к органам юстиции, т. к. мы, конечно, выравниваем свою работу по линии хозяйственной политики. Это нужно понимать в смысле децентрализации управления, т. е. чтобы отдельная и законченная, в организационном смысле, та или иная область работы получила бы совершенно самостоятельное и непосредственное руководство своей периферией в области оперативной работы. Это вторая причина, которая должна заинтересовать органы юстиции в части более лучшей постановки системы управления.

Сказанное диктуется интересами развития народного хозяйства и в первую очередь — выполнением его пятилетнего плана, и тот, кто под тем или другим

предлогом стремится сохранить старую систему управления в органах юстиции в автономных республиках — тот, по меньшей мере, недооценивает теперешнего хозяйственного положения.

Вот исходная точка зрения для разрешения вопроса: быть или не быть НКЮ в автономных республиках.

Какая же основная задача вытекает отсюда для судебных органов? Прежде всего: борьба с бюрократизмом и волокитой, в том числе в своих рядах; решительная борьба за революционную законность; борьба за организацию и воспитание батрацких и бедняцко-середняцких масс на основе разъяснения им советских законов и оказания юридической помощи, борьба с должностными и хозяйственными преступлениями и проч. Решение этих основных задач требует хорошо организованного судебного аппарата, находящегося под единым руководством судебного центра, и обязательно обуславливает полное и непосредственное руководство периферией.

Таким судебным центром в Крымской автономной республике является и должен являться главный суд.

В подтверждение нашей мысли мы приведем выдержки из статьи т. Радус-Зеньковича и из того материала, который был, как сказано выше, утвержден коллегией НК РКИ СССР.

В статье Радус-Зеньковича, напечатанной в «ЕСЮ» № 31—28 г., говорится: «В вопросе о руководстве судебной системой мы исходим из того, что задачи организации и управления должны быть подчинены существу и интересам оперативной судебной работы, определяться ими».

Что это значит? Это значит, что задачи: организации судебно-исполнительного аппарата, коллегии защитников, на обязанности которой лежит практическое выполнение оказания юридической помощи, и нотариата, связанного непосредственно с судом в своей повседневной практической работе; судебно-административного управления периферией; подбора личного состава, ревизии, инструктирования и проч. — должны быть отнесены к ведению судебно-административного центра в автономных республиках — главного суда.

Одним этим уже дается совершенно определенно отрицательный ответ всем тем, кто до сих пор еще стремится сохранить старый порядок построения органов юстиции в автономных республиках, т. е. стремится подчинить существо и интересы оперативной судебной работы не судебному центру — главному суду, а НКЮ, по своим функциям и природе являющегося органом общего надзора и блюстителем революционной законности и, следовательно, стоящим дальше главного суда от оперативной судебной работы.

Но и этим т. Радус-Зенькович не ограничивается, он говорит дальше, что «перестройка должна быть произведена, руководство судебной периферией должно стать функцией руководящего судебной практикой центра (верхсуда, край. (обл.), губ. (окр.) суда), и, конечно, говорим мы, в автономных республиках — главного суда. Эта перестройка упростит аппарат, придаст ему значительно большую цельность, гибкость, и укрепит его».

Средствами связи управляющего центра с судебной периферией являются: а) кассационно-ревизионные (и надзорные) решения дел; б) ревизии подведомственных учреждений; в) система отчетов и мест. Учет —

распределение работников и статистической учет работы—могут быть целесообразно поставлены только в непосредственной близости с оперативной работой и в соответствующих его аппаратах».

Это еще раз и более определенно подтверждает нашу мысль о том, что судебно-административным центром, управляющим, организующим периферию в автономных республиках, должен быть главный суд, а не НКЮ.

Что же после этого остается там, где уже отделы судостройства изъяты из НКЮ и переданы в главные суды, как, например, в Крым. АССР? Кроме функций прокурорского надзора — ничего. Правда, остается еще отдел законодательных предположений (юридическая часть), который с успехом может быть передан в ЦИК и автономных республик.

Таким образом, совершенно естественно напрашивается вопрос—нужны или не нужны наркоматы юстиции в автономных республиках? И мы, исходя из вышеизложенного, отвечаем: **нет, не нужны.**

Этот наш ответ также целиком и полностью подтверждается тем предложением группы т. Радус-Зельковича, которое утверждено Коллегией НК РКИ СССР от 30/XI—28 г. № 39, п. 3. В этом предложении, в разделе VI говорится: «...Этим, однако, не исключается возможность продолжения опытов по реформе руководства судебной системой, путем передачи отдельных частей аппарата НКЮ суду и проч., вплоть до ликвидации наркомюстов в отдельных республиках».

И как нельзя лучше это положение подходит к Крымской автономной республике, где изъятие отдела судостройства из НКЮ и передача его в Главный суд произошла первой. Успех передачи признан всеми: и НК РКИ нашей республики, и КрымЦИК'ом, и НК РКИ РСФСР, и СНК РСФСР, и даже, самой коллегией наркомюста Крым. АССР. Если прибавить к этому, что и сама коллегия НКЮ в Крымской республике постановлением президиума центрального исполнительного комитета Крым. АССР от 6 июня 1929 г. ликвидирована, то при таких условиях нужно сделать и второе, а именно: ликвидировать НКЮ в Крымской республике и дать, наконец, возможность, главному суду непосредственно и полно руководить судебной периферией, изжить всякий параллелизм и дать возможность работать и отвечать.

Председатель главного суда
Крымской АССР *В. Поляков.*

Симферополь.

Еще о заочном юридическом образовании.

Идея заочного юридического образования встретила широкий отклик во всей массе судебных и прокурорских работников.

Редакцией «Е. С. Ю.», Наркомюстом и Б. Ю. З. О. получены десятки статей, сотни писем и предложений, одобряющих идею заочного обучения и дающих ряд практически ценных соображений для его проведения. Вот что пишут местные работники: «идею заочного юридического образования мы встретили с большим удовлетворением»—пишет т. Бохотовский (Могилев БССР)...—«В условиях развертывающегося социалистического строительства—юридическое образование нам нужно как воздух, как вода. Только через юридическое

обучение мы сможем получить необходимую марксистскую закалку»—так говорит работник Уральской области т. Павлова...—Тов. Донцов (Обл. Коми) пишет: «Большая тяга к знанию, необходимость облечения в теорию практических навыков в работе, но фактическая невозможность пойти каждому в учебное заведение—создает прямую необходимость подготавливаться путем заочного обучения»...—«Я хотел бы сказать» пишет т. Новиков (из Александровского Округа Ивановской обл.), «что только теперь будет иметься большая возможность, когда работник практики путем заочного обучения получит необходимую теоретическую подготовку»... Тов. Горбачев из Армавирского окр. пишет: «С какой жадностью я бросился читать о заочных юридических курсах... Намеченный комиссией НКЮ план подготовки работников юстиции через заочное обучение очень хорош и такой план с большим удовлетворением встречен низовыми работниками юстиции».

Мы могли бы привести еще много отзывов, одобряющих идею заочного юридического обучения. Прошло всего два месяца с момента помещенной нами статьи и полтора м-ца с момента опубликованного директивного письма, и мы уже имеем количество записавшихся на заочное юридическое обучение 1.500 человек. Заявления поступают от групп в 15 и 20 человек. Из всего этого ясно, что заочное юридическое обучение действительно всеми работниками юстиции встречено с полным одобрением. При разработке плана заочного обучения мы учитывали, что, при критическом его рассмотрении на местах, потребуются ряд поправок и уточнений. Подводя итоги всем высказанным поправкам и неясностям, в настоящей статье мы и поставили своей задачей ответить на все эти вопросы.

Могут ли работники 3 группы учиться в 1-й и 2-й группе? Само собой разумеется, что могут учиться в 1-й и 2-й группе, но при этом нужно учесть, насколько тот или иной товарищ подготовлен для поступления во 2-ю или 1-ю группу.

Могут ли работники юстиции, не принадлежавшие к одной из перечисленных групп—как-то: члены коллегии защитников, юрисконсульты, и другие—обучаться в одной из групп? При вторичном просмотре плана Н. К. Ю. расширил рамки контингента обучающихся, так что записываться могут все работники юстиции, но при записи в группу нужно исходить из того, насколько товарищ подготовлен для поступления в ту или иную группу. Когда начало занятий? По предварительному плану предполагалось приступить к занятиям с 1-го октября, но, принимая во внимание, что количество заочников будет значительно больше, чем это предусматривалось планом, а также и по целому ряду технических условий (разработка программ, оформление денежных взносов и т. п.), занятия на курсах заочного юридического обучения предположено открыть с 1-го ноября с. г. Этот срок несомненно твердый. Сами местные работники должны с большей точностью отнестись к этому делу. Желающие учиться в этом году должны срочно подать заявления непосредственно в Б. Ю. З. О. о их зачислении. Заявления должны быть написаны по форме, объявленной в «Е.С.Ю.»; все товарищи, которые записались на заочное юридическое обучение, обязаны немедленно в адрес Б.Ю.З.О. выслать деньги за три м-ца вперед, как это указано в директивном письме Н. К. Ю., так как несвоевременная высылка денежных взносов может затянуть время занятий на курсах.

Большинство местных работников вполне правильно ставит вопрос о закреплении на работе в органах юстиции лиц, прошедших курсы заочного обучения. Н. К. Ю. в разработанном им пятилетнем плане в системе подготовки и переподготовки работников включает подготовку через заочное юридическое обучение. В соответствии с этим в плане будет отведен раздел использования, закрепления и продвижения на высшие должности работников, окончивших заочное юридическое образование.

Ряд работников ставит вопросы: об освобождении их на время учебы от общественной работы, о снабжении литературой, о понижении платы за обучение работникам II и III группы, поступающим обучаться в I группу, а также о том, сколько нужно времени затрачивать на учебу. В отношении освобождения от общественной работы мы рекомендуем договориться с местными партийными, профессиональными и общественными организациями, ибо на этот счет есть соответствующие директивы ЦК ВКП(б) и ВЦСПС. Литературой из центра заочники снабжаться не будут, но во всех разработанных заданиях будет указано, какую нужно приобретать литературу. Некоторая часть литературы может быть за наличный расчет выслана и из центра, о чем заочники будут поставлены в известность. Плата за обучение в I группе для работников II и III группы пока снижена быть не может, так как мы уже сообщали, что заочное юридическое обучение построено на строгом хозяйственном расчете. Указать конкретно, сколько в день каждый заочник должен тратить времени на учебу—мы не можем, ибо это зависит от степени подготовленности того или иного товарища, различной успеваемости и разных учебных планов всех групп. Вообще, мы рекомендуем всем товарищам отводить на учебу не менее 3 часов в день и то для тех работников, которые достаточно подготовлены. Заочники должны понимать, что только посредством углубленной, серьезной методической проработки заданий действительно можно закончить полный курс заочного обучения.

Совершенно новый и интересный вопрос ставят военные работники об организации на заочных юридических курсах военного отделения. Несомненно, принципиально постановку этого вопроса мы считаем правильной. Военно-судебные работники должны подготавливаться по учебному плану, специально для них разработанному. При организации военного отделения или военной группы мы ставим перед военными работниками следующие вопросы: какое примерно в среднем количество военных работников может записаться на курсы заочного юридического обучения, в какой срок военным работникам желательно пройти курсы заочного обучения, какие категории работников будут обучаться и какой уклон в учебном плане должно занимать военное дело? Мы полагаем бы, что подготовке на курсах заочного юридического обучения по специальной группе или отдельно подлежат лишь ответственные работники—председатели и члены военных трибуналов и все прокуроры, а все остальные работники могут проходить обучение по одной из групп, указанной в плане заочного юридического обучения. Учебный план должен быть построен применительно к I группе и военным предметам в нем должно быть отведено в среднем не более 30%. Срок обучения—три года.

Было бы очень желательно, чтобы военные работники высказали свое мнение о подготовке военных работников через заочные юридические курсы и, в частности, высказали бы свои соображения на поставленные нами вопросы.

Ничего не сказали местные работники по поводу учебных планов и методики преподавания. Между тем, заочники сами должны бы были указать, какие дисциплины желательно дополнить в учебный план, какие изменить и какие, по мнению заочников, подлежат исключению из учебного плана. Методику преподавания нужно подвергнуть также широкой критике. Самое основное, на чем мы рекомендуем остановиться—это на вопросе о проверке заданий и сдаче зачетов. Очень желательно, чтобы заочник сдавал зачет лично, но для большинства работников приезжать в Москву в БЮЗО совершенно невозможно. Поэтому мы рекомендуем для сдачи зачетов созывать на местах конференции заочников с участием преподавателей местных университетов или лиц, уполномоченных для этой работы БЮЗО.

Подводя итоги начатой нами работы по проведению заочного юридического образования для работников юстиции, мы должны сознаться, что слишком поздно взялись за это дело. Капиталистические страны давно уже ведут большую работу по заочному обучению, и это дело у них поставлено очень высоко. Так, например, в Америке 40% окончивших высшие и специальные учебные заведения кончают через заочное обучение. Мы поставили перед собой задачу во всех областях народного хозяйства, культуры и т. п.—догнать и перегнать капиталистические страны. Заочное обучение, вообще, и заочное юридическое, в частности, являются составной частью культурного строительства. Поэтому и в этой работе мы должны быть впереди капиталистических стран.

Повысить теоретический уровень работников юстиции с помощью заочного юридического образования—большая и важная задача.

Эту задачу мы несомненно выполним лишь при самом активном участии всей массы работников юстиции.

Седов.

За качество и классовую линию в работе.

Учет и отчетность являются зеркалами, отражающими всю нашу работу. Хорошо поставленный учет и всесторонне разработанная по нему отчетность создают полную картину нашей деятельности.

Практика работы в аппарате прокуратуры приводит к выводам, что существующий порядок учета нашей работы не отображает действительности, в результате чего получается неправильная ориентировка. До сих пор у нас считают, что все дело заключается в количестве проделанного тем или иным прокурором. Где сколько раз выступал—пиши на учет. Сколько куда заметок написал—тоже учет. Сколько раз участвовал в судебном заседании по уголовному или совершенно ясному, ничтожному гражданскому делу также надо брать на учет. Даже сколько раз и на каком заседании присутствовал—все пиши. Словом, по учету количества работы получается такая активность прокуроров, в результате которой надо иметь полное осуществление местами революционной законности во всех ее частях.

Жизнь дает обратное. Нарушения законов несколько не убывают, преступность на убыль не идет, в некоторых видах она становится сложнее. Постановка работы по охране интересов батрачества и бедноты из рук вон плоха. В чем же дело?

Дело оказывается в том, что в погоне за количеством мы забываем учитывать качество работы. Больше учитываем что мы делаем, а не как это делаем и что в результате нашей работы получается. По жалобам пишем, предлагаем. Получается временный, сегодняшней эффект — этим работу кончаем. Не следим, а какие же местные власти создали практические условия, чтоб вторично эти же граждане не обращались и именно с этой же жалобой вновь. Мы не доводим дело до конца, временным эффектом усыпляем нашу бдительность по реализации наших указаний.

Тоже в отношении общественной, так называемой политической работы прокуратуры. Считаю хорошим показателем большие цифры выступлений на собраниях, а в то же время подбора волнующих крестьянство вопросов нет, систематическое их разрешение в задачу не ставится. Много гордимся втягиванием все новых слоев населения в юридические кружки, общественные обвинители, народные заседатели. Количество их — хороший внешний показатель. А когда взглянешь на содержание работы, вспомнишь слова Ленина «лучше меньше, да лучше». По нашей области за все время существования суда и прокуратуры выдвижения членов этих организаций на юридическую работу не было (было случайное выдвижение). Очень мало случаев использования их на общественно-массовой работе по пропаганде права. Все так получается потому, что не учитываются действительные практические результаты работы, учитывается ее количество, а не качество. Дальше. Аппараты прокуратуры должны отличаться наибольшей четкостью в работе. Четкость отражается в процессе реализации плана конкретно поставленных перед собой задач. Но работу прокурора вмести в тесные рамки сухого, формального плана нельзя. Прокурор должен быть свободен в своих действиях. Существующий по линии прокуратуры порядок плановости, где каждый его шаг ограничен количеством его прокурорских «движений», вырабатывает сухого, казенного, формального прокурорского работника, ставящего себе самоцелью выполнить определенное количество номеров своего плана. Дело доходит до курьезов: поставлено в м-ц 5 докладов — они сделаны. Подоспела важная кампания — скажем, о лесозаготовках и затруднениях по ним — у прокурора нет времени, да и планом не предусмотрено. Примеры есть. Когда п/прокурора 1 уч. области Коми вызвали на заседание президиума УИК по важным вопросам — он ответил «времени нет, у меня уже план посещения заседаний выполнен». Очень ценны указания т. Янсона в его директивном письме, хотя они и относятся к следствию, где сказано: «не формальный план, а конкретная ориентировочная программа, постоянно изменяемая и перестраиваемая».

В планах работы прокуратуры следует также определять программы работы, ставить конкретные задачи на известный отрезок времени, в связи с директивами партии и правительства. На эти задачи и ориентировать работу аппарата; по результатам этих работ проверять подготовку своего аппарата, оказывать правовую помощь населению и содействовать соответству-

ющим органам в реализации поставленных партией задач. По существующему «плановому шаблону» мы в тот момент, когда создается острая необходимость прорыва тормозов по лесозаготовке и сплаву выполняем план по участию на заседаниях, стараемся собрать 2—3 рубля алиментов, сидим и выполняем «план работы». Не предусмотрен выезд по плану — нарушать нельзя, т. к. в итоге будет показатель о нереальности плана. Такие построения очень вредны, они только опирают назначение аппарата прокуратуры.

Несколько слов об ориентировке работы прокуратуры на социальные группы населения. В крестьянских местностях нередко прокуратура играет втемную. Неизвестно, какая же социальная группа крестьянства наиболее часто обращается за помощью прокуратуры. По учетным ведомостям, карточкам значится: «количество обратившихся с жалобами крестьян». Но ведь в массе крестьянства есть совершенно по духу противоположные социальные слои: бедняк, середняк, зажиточный, кулак. Кого же больше всего аппарат власти обижает — бедняка или кулака? — не учитывается. Кому мы больше всего оказываем поддержку — кулаку или бедняку? Не исчезает ли из поля нашего зрения середняк? На эти вопросы, пользуясь учетными данными, составляемыми по формам прокуратуры, ответить почти невозможно, тогда как эти показатели должны отражать классовость нашей работы и работы местных властей. Надо этот вопрос, исходя из практического опыта, разработать в целях создания действительной картины направления деятельности прокуратуры по защите прав батрака и бедняка, интересы которых чаще всего обходятся. Практическое значение этого велико. Так, по 1-му прокурорскому уч. области Коми административными штрафами особенно сильно облагается середняк, в среднем падает на него 7 р. 30 к., тогда как на служащего 3 р. 20 к., а служащий является в то же время и кр-ном, имеющим с/хозяйство. Результат может быть нежелательный — озлобление середняка, разрыв в нашей политике по работе в деревне.

В качестве выводов нужно сказать:

- 1) Смелее перейти на учет качества проделанной работы.
- 2) Не ограничивать прокурорскую работу сухими, формальными рамками плана — «столько-то %». Иметь в планах конкретные ориентирующие работу задачи место и цели каждой задачи. Игнорировать результаты не по количеству выполненных объектов в плане, а реальные результаты в поставленных целях.
- 3) Подвергнуть пересмотру схемы планов, формы учетных документов, создать возможность отображения в них классовости работы органов прокуратуры.

А. Доцков.

Усть-Сысольск.

Изгоним расточительность.

Задача развития индустрии, построения социализма в наших условиях собственными средствами — дело нелегкое.

Эту задачу взяли на себя рабочие с твердой уверенностью, что они ее доведут до желанного конца. Партия ставит перед рабочим классом задачу повышения продуктивности труда, снижения себестоимости.

XV партконференция в своем обращении по поводу соц. соревнования говорит: «Мы должны развернуть широчайшее движение масс за культуру, изгнать все и всяческие элементы излишеств, расточительства, безхозяйственности, волокиты и бюрократизма из нашего государственного аппарата».

Вот на двух моментах—расточительстве и бюрократизме в нашем госаппарате я и хочу остановиться.

Мне думается, что сбережение должно идти не только по линии непосредственно производственной, но и по другим, в частности по линии судебной.

Проанализируем, какие причины вызывают подчас удорожание себестоимости. Помимо скверного качества сырья, неправильной организации производства—неувязка цехов, очереди в кладовых и т. п.—на первое место выплывают прогулы.

Для всех является истиной, что если с фабрики уйдет рабочий на месяц, на две недели, то для него найдется заместитель, но, если он, начав какую-либо работу и не окончив ее, прогуливает, то, помимо того, что этот рабочий никем не заменяется, его станок гуляет, выработка падает, а если к тому же эта работа должна получить последующую операцию у другого рабочего, то часто у другого рабочего вызывается невольный простой.

Сейчас с такими случаями ведет борьбу не только администрация заводов, но и сами рабочие, которые, поощряя сознательных рабочих, бойкотируют прогульщиков.

И вот наряду с такой борьбой против дезорганизаторов производства, против прогульщиков выявляется, что на себестоимость продукции, на организацию работ влияют также судебные органы, которые при помощи нарсудей по существующему законоположению по всякому пустяковому случаю вызывают массу свидетелей. Всех вызываемых, если даже на день назначено 10 дел, требуют к 9 часам утра. Рабочие отрываются от производства, рабочие невольно прогуливают и, помимо того, что эти прогулы уменьшают выработку и дезорганизуют производство, за эти прогулы предприятие еще обязано оплачивать рабочего.

Конечно, рабочий в этом прогуле не виноват. Он, получив повестку, читает на обороте, что неявка грозит штрафом до 300 руб. и вообще, считая, что суду он обязан подчиниться, идет в суд. В большинстве случаев дела сразу не разбираются, а переносятся, и рабочий, получив у щедрого секретаря отметку о законности прогула, получает за него деньги и в следующий раз вновь идет в суд. Вопрос об этих вынужденных прогулах, об этом расточительстве народных средств, а иначе это назвать никак нельзя, становится перед рабочими и вызывает недоумение. Если я приду, говорит рабочий, с опозданием (проспал), или так случайно пропущу день, я—прогульщик, хотя мне за этот день и не платят, а если я шатаюсь по судам, как свидетель по какому-либо глупому делу, мне и работать не приходится, и деньги платят, и прогульщиком не считают.

Разве не бюрократизм, когда нарсуд вызывает по 10 различным делам свидетелей, и всех к 9 часам утра, а часто половина дел начинается слушанием после 2—3 часов дня?

Такое разбазаривание рабочего времени и средств, которое оплачивается заводами, без сомнения выливается в здоровый процент, а мы знаем, что каждый процент—100 миллионов руб.

С таким расточительством и бюрократизмом нужно покончить. Трудно рабочим с мест предлагать решения, как избавиться предприятиям от этого огромного накладного расхода, но, что избавиться нужно—это бесспорно.

В период соц. соревнования в деле снижения накладных расходов должны принимать участие наши общественные и государственные организации.

Пусть этим вопросом займется Наркомюст. Ведь профсоюзные организации, учитывая, что устройство заседания в рабочее время влетает в копейку предприятиям, нашло выход и сейчас в большинстве случаев заседания и конференции проходят в нерабочее время.

Нужно во что бы то ни стало добиться прекращения этого непроизводительного расхода, хотя бы отнесением оплаты свидетелей за счет жалобщиков или осужденных, или же перенесением работы суда на нерабочее время.

Нужно Наркомюсту в разгар соц. соревнования избавить предприятие от накладных расходов.

М. Митицкий.

Киев, гл. тр. маст. им Дембаля.
Точарный цех.

О правах временных жильцов на жилплощадь.

Вопросы, связанные с правами временных жильцов на жилплощадь, продолжают вызывать споры в жилищной и судебной практике. Недостаточная ясность и согласованность наших жилищных законов здесь так же, как и в других вопросах жилищного права, дает себя чувствовать. За последние два года издано три или четыре законодательных акта, в которых говорится о временных жильцах; однако, точного разрешения вопроса в них мы не находим. Это обстоятельство приводит судебную практику к путанице. Здесь мы остановимся на основных вопросах из практики по этому поводу.

Прежде всего, кто такие временные жильцы? До издания ст. 156-б ГК (13 февраля 1928 г.) было совершенно ясно, что временными жильцами являются лица, вселившиеся временно на чужую жилую площадь. Судебная практика так именно и понимала эти слова; она считала, что временные жильцы с точки зрения Гр. кодекса являются поднаемателями, временными живущими на площади основных жильцов—наемателей жилплощади. Спорным в то время являлся не этот вопрос, а вопрос о том, какие права приобретает временный жилец на ту площадь, которую он занимает, в случае принятия его в члены ж. т-ва и т. д. Но об этом мы поговорим ниже. Ст. 156-б ГК расшифровывает понятие—«временные жильцы». Она под словами «временные жильцы» понимает уже не только поднаемателей, но и наемателей. Это «нововведение» ст. 156-б было, очевидно, проведено без учета судебной и жилищной практики. Будучи издана с целью согласования Гр. кодекса с постан. ВЦИК и СНК от 1 августа 1927 г. «об урегулировании права пользования жилой площадью» (С. У. № 80, 1927 г., ст. 535), ст. 156-б ГК оказалась не совсем с этим постановлением согласованной, ибо постановл., говоря о временных жильцах (ст.ст. 5 и 6), под этим наемате-

лей не подразумевает. Признание же, что и наниматели могут быть временными жильцами, практического значения не имеет, а лишь создает путаницу в судебной практике. В самом деле, о каких временных жильцах-нанимателях говорит ст. 156-б ГК? Такой категории жильцов в практике не имеется. Правда, имеются, в отличие от основных с'емщиков жилплощади, проживающих в доме без всякого договора, и такие жильцы в незначительном количестве, которые вселились в дом по договору с ж. т-вами, ЖАКТами и др., на определенный срок (в 3 г., 5 л. и т. д.), с обязательством произвести капитальный ремонт и т. д. К этим случаям некоторые суды стали применять ст. 156-б ГК, считая таких жильцов временными. Однако, это совершенно неправильно. Надо, прежде всего, отметить, что большинство лиц, проживающих в домах по такого рода договорам, являются лицами, на которых льготы ст. 156 ГК не распространяются (нетрудовой элемент и т. п.), а, следовательно, к ним ст. 156-б ГК также неприменима. В отношении же трудящихся из числа лиц, живущих по договорам на определенный срок, применение правил о временных жильцах неправильно, так как оно грубо нарушает интересы трудящихся, которые, обычно, по этим договорам принуждены бывают брать на себя обязательства по производству ремонта, дабы получить жилплощадь. Нет решительно никаких оснований ставить таких трудящихся в худшее положение, чем тех, которые жили и живут в доме до их вселения и пользуются льготой ст. 156 ГК. Во всяком случае, применение ст. 156-б ГК по тем делам, по которым договоры с жильцами заключены до опубликования этой статьи, является не-

правильным, так как ст. 156-б ГК, как исключение из правил ст. 156 ГК и как ограничение льгот, установленных для трудящихся, не может иметь обратной силы.

Верховный суд, выявив эту неясность и неправомерность в законе, признал необходимым войти с представлением в законодательном порядке об изменении редакции ст. 156-б ГК в смысле исключения из нее указания на то, что и наниматели могут быть временными жильцами (см. «Суд. практи.» № 17—1929 г.).

Прежде чем говорить о временных жильцах, закон от 1 августа 1927 г. устанавливает категории жильцов из трудящихся, которые являются постоянными, основными, не временными жильцами. Ст. 1 пост. от 1 августа говорит следующее: «Самостоятельным правом на занятие жилой площади, в соответствии со ст. 156 Гр. код. РСФСР, пользуются граждане, вселившиеся и вновь вселяющиеся в помещения: а) с согласия подлежащих домоуправлений; б) в порядке самоуплотнения отдельных с'емщиков помещений; в) в порядке обмена помещениями; г) по ордерам коммунального отдела на жилую площадь, находящуюся в непосредственном ведении коммунального отдела или в ведении домовых трестов; д) живущие совместно с вышеуказанными гражданами члены их семей».

Следовательно, во всех других случаях вселившиеся в дом трудящиеся либо являются временными жильцами, т. е. лицами, не имеющими самостоятельного права на площадь, либо же лицами, занявшими жилые помещения с нарушением порядка, указанного выше, а потому подлежащими выселению и уголовной ответственности за самоуправство (ст. 8 пост. от 1 ав-

Редакцией «Еженедельника Советской Юстиции» получено печатаемое ниже письмо в редакцию члена правления Севастопольской Ассоциации пролетписателей т. Рупасова, которое и приводится полностью.

Нажим авторитетов.

(О «братьях-писателях»).

В органе Федерации объединений советских писателей «Литературной Газете», за 8 июля этого года, в № 11, появилась интересная заметка, резко бичующая квартирное законодательство и судебные органы, в частности, нарсуд Бауманского района (Москва), обязанные проводить это законодательство в жизнь.

Упомянутая заметка столь примечательна и подписана она столькими знаменитыми поэтами, прозаиками и критиками, что нет возможности удержаться от цитирования заметки «целиком и полностью»:

Бюрократический приговор.

Недавно домоуправление дома № 3 по Покровке подало в суд на поэта Бориса Ковынева, проживающего в этом доме. Домоуправление предъявило иск о взыскании с тов. Ковынева задолженности за 4 месяца квартплаты и о выселении его из квартиры, как «злостного» неплательщика.

Всем известно, что писатели приравнены к трудящимся специальным постановлением ВЦИК'а. Известно также, что государство разрешает быть должным домоуправлению за 2 месяца квартплаты. Следовательно, «преступление» Б. Ковынева выражается в неуплате задолженности за 2 месяца. Суд Бауманского района, под председательством т. Богданова, все-таки постановил выселить Б. Ковынева из занимаемой им жилплощади, несмотря на то, что Б. Ковынев признал свой долг и обещал погасить его в кратчайший срок.

Мы считаем такой приговор необдуманным и огульным. Писатель не имеет регулярного заработка. Кроме того, 2 месяца квартирной задолженности (Б. Ковынев проживает в этом доме 6 лет) не являют-

ся показателем злостного уклонения от квартплаты. Мы предлагаем пересмотреть этот приговор соответствующим инстанциям, не только для того, чтобы защитить Б. Ковынева, но и для того, чтобы в дальнейшем оградить литераторов от таких необдуманных и бюрократических приговоров.

Ф. Гладков, А. Фадеев, Березовский, А. Безыменский, Серафимович, В. Ползский, И. Катаев, И. Доронин, М. Голодный, А. Свирский, В. Красильников, Д. Алтгаузен, Обрадович, Н. Ляшко, М. Беккер, Б. Рингов, С. Малахов, П. Дружинин, Ермилов, Филиппенко, Пестухин, А. Ясный, Замойский, И. Приблудный, И. Мусинев, Г. Шубил Мачков и др.

Как видит читатель—филиппики братьев-писателей родились в результате решения нарсуда Бауманского района о взыскании с поэта Ковынева квартплаты за 4 месяца и о выселении его, как злостного неплательщика, из занимаемого помещения на Покровке, 3.

Из заголовка заметки, из кавычек, в которые писатели заключили слова «злостный» неплательщик, «преступление» и из всего «духа» обличительной заметки явствует крайнее недовольство авторов квартирным законом и органами революционной законности, проводящими этот закон в жизнь.

На фоне раздоров и взаимной вражды писателей, порожденной их классовым расслоением, это замечательное объединение писателей («все за одного») можно было бы приветствовать, если бы объединение это произошло под стягом борьбы за правоту взглядов или действий поэта, а не по поводу защиты... правонарушителя Ковынева.

Нет нужды разбивать наивные рассуждения писателей о том, что «государство разрешает быть должным домоуправлению за 2 месяца квартплаты» (очевидно, писатели не претендуют на гибкость и грамотность фраз и мыслей!), а следовательно, весь грех-де Бориса Ковынева заключается

густа). Отсутствие у временных жильцов самостоятельного права на площадь является тем признаком, который определяет их юридическую природу как поднаемателей, права которых на занимаемую ими жилплощадь не носят самостоятельного характера, а производны от прав наемателей. Эта несамостоятельность прав временных жильцов на площадь дает основание наймодателю (ЖАК'ам, жил. т-вам и т. д.) требовать выселения их во всех случаях, когда жилплощадь основным с'емщиком освобождается, независимо от того, по договору ли на определенный срок или без установления срока вселились эти временные жильцы.

В жилищной практике также часто встречаются ошибки в определении того, кто является временным жильцом. С одной стороны, нередки случаи, когда временного жильца считают постоянным, имеющим самостоятельное право на площадь; с другой стороны, часты случаи, когда лицо, имеющее право быть признанным постоянным жильцом, признается временным. Так, напр., лицо, не являющееся членом семьи основного с'емщика, вселяется к нему, несмотря на то, что у этого с'емщика нет необходимых для возникновения права на самоуплотнение излишков. Такие лица в практике признаются приобретшими самостоятельные права на площадь в порядке самоуплотнения основного с'емщика (по п. «б» ст. 1 пост. от 1 августа). Это приводит к чрезмерному перенаселению домов и ко многим злоупотреблениям при обмене жилплощадью, при распределении освобождающейся площади между нуждающимися жильцами данного дома и т. д.

А между тем, по закону право самоуплотнения не безгранично. Прежде всего, надо

отличать обычное самоуплотнение от вселения на свою площадь членов своей семьи. К членам семьи закон от 1-го августа относит как супруга с'емщика помещения, так и всех лиц, находящихся на его иждивении. Все эти лица, независимо от наличия у основного с'емщика излишков, могут быть вселены им на свою площадь и не могут быть признаваемы временными жильцами (что нередко имеет место на практике). Согласно приведенной выше ст. 1 пост. от 1 августа, они приобретают самостоятельное право на площадь. Что же касается других лиц, то вселение их на свою площадь в порядке самоуплотнения допускается лишь при наличии излишней против установленных норм жилой площади «при условии, что имеющийся у пользователь излишек превышает на каждое вновь вселяющееся лицо четыре квадратных метра или половину более высокой нормы пользования жилой площадью, установленной местными советами» (ст. 3 того же пост.). Только в этом последнем случае вновь вселившийся в порядке самоуплотнения приобретает самостоятельное право на жилплощадь. Вселившийся же без наличия у основного жильца необходимых для этого излишков не приобретает права на площадь и, следовательно, является временным жильцом. При вселении такого жильца органы домоуправления вправе требовать от него подписки с установлением в ней (или в особом договоре) срока, на который этот жилец вселяется. По истечении этого срока временный жилец может быть выселен, так как, согласно постан. от 1 августа и ст. 156-б ГК, он не приобретает права на автоматическое возобновление договора, каковое право принадлежит только основному, постоянному жильцу.

в задолженности не за 4 месяца, а только за 2. Оригинальная по точности математика!

Нет нужды доказывать авторам заметки то обстоятельство, что суд не мог поступить иначе. Выселяя рабочего Иванова или Петрова, с заработком в 60—80 рублей, за невзнос квартплаты за 3 месяца, суд не имел ни юридического, ни морального права гладить по головке поэта Ковынева, имеющего хоть и «не регулярный», но во всяком случае не меньший этого рабочего заработок и допустившего четырехмесячную задолженность.

Рабочий Петров и поэт Ковынев—оба трудящиеся, оба представители своего класса, и ни один из них не имеет права требовать себе льгот больше, чем следует.

Все эти положения и так известны авторам жилищник.

Нас интересует другое: все авторы заметки—признанные и безусловно уважаемые страной поэты и писатели, завоевавшие себе известность талантом и трудом своим. Эти же обстоятельства присвоили писателям огромный и заслуженный авторитет властителей дум народа. И, уважая наших пролетарских писателей, отдавая им должное, мы никак не можем не протестовать против желания этих писателей давить своим авторитетом на совесть проводников революционной законности. Мы против своеобразной спекуляции (извините за резкость!) именами, хотя бы и заслуженными.

Ведь всякому школьнику ясно, что домоуправление вправе требовать выселения жильца, просрочившего свыше 2-х месяцев внесение квартплаты, и суд должен удовлетворить это законное требование. Суд обязан был вынести решение о выселении Ковынева, руководствуясь хотя бы ст. 171 п. «з» Гражд. проц. кодекса.

Но 27 писателей протестуют не только против решения суда по делу Ковынева. Нет, они возводят неплатеж квартплаты, нарушение вышеупомянутого закона в принцип. Ведь иначе, как писатели прикажут, рассматривать заключительные строки их заметки:

...«Мы предлагаем пересмотреть этот приговор ответствующим инстанциям («приговор соответствующим

инстанциям». Ловко сказано! Недаром М. Горький относил ликвидацию малограмотности прежде всего к самим братьям-писателям. А. Р.) не только для того, чтобы защитить Б. Ковынева, но и для того, чтобы в дальнейшем оградить (!) литераторов от таких необдуманных (!) и бюрократических (!!!) приговоров»...

Мы говорим о комчанстве, о профчанстве, а тут налицо—«писательское чванство». Не тронь литератора! А тронешь—так мы тебя наградим званием бюрократа!

Такой тон особенно не к лицу писателям, прославленным психологам и знатокам человеческой личности. Ведь сами писатели брыкаются, если кто-нибудь из критиков или авторитетных общественных работников попытается давить размах художника прессом своего авторитета. А тут, поди-ж ты!

Вместо того, чтобы найти смягчающее вину Ковынева обстоятельство, вместо того, чтобы попросить литфонд взаимобразно немедленно покрыть задолженность Ковынева по квартплате, вместо реальной помощи—появляется субъективный, ни на чем неоснованный «принцип» и плевков в сторону суда, незаслуженное оскорбление судьи, т. Богданова.

Работа судей—сложная и первная. Авторитетов находится слишком много. Тут и свой исполкомщик—(не тронь мою свояченицу!) и иной несознательный паркомовский работник (тронь меня—так я-тя вздрючу!) и наконец окрик «писателей трогать строго воспрещается».

Вопрос об авторитетах почти не обсуждался на страницах юридической печати, а между тем сплошь и рядом судебносудебным работникам приходится биться в путях местных авторитетов, как индивидуальных, так и групповых.

Бюрократический окрик писателей—яркое тому доказательство.

Член правления Севастоп.
ассоциации пролетписателей Ал. Рупасов.

Севастополь.

Каковы взаимоотношения временных жильцов с основными с'емщиками и с домоуправлениями? Основные жильцы, вселившиеся на свою площадь временных жильцов на неопределенный срок, во всякое время вправе требовать выселения их. При вселении же на обусловленный договором (или подпиской, выдаваемой временным жильцом домоуправлению при в'езде в дом) срок, основной с'емщик вправе требовать выселения этого временного жильца лишь по истечении указанного срока.

Домоуправления же, как указывалось выше, вправе требовать выселения временных жильцов лишь в случаях отобрания от них подписки (или заключения с ними договора) о сроке проживания их в данном доме (или квартире). В противном случае, т.е. при вселении временных жильцов на срок неопределенный, домоуправления вправе требовать выселения их лишь при добровольном или принудительном освобождении основным с'емщиком занимаемой им площади.

Какие же права приобретают временные жильцы, прожившие в доме больше одного или двух лет? Ст. 156-б ГК и пост. от 1 августа (в п. 6) говорят о том, что временные жильцы не приобретают никаких прав на жилплощадь, независимо от срока пребывания их в доме; то же пост. от 1 августа (в п. 5) говорит, что «временные жильцы из числа рабочих и служащих, а также приравненных к рабочим и служащим категорий населения, живущие в данном доме более двух лет, приобретают самостоятельное право на занятие жилой площади в освобождающихся в доме помещениях наряду с другими жильцами». С другой стороны, в ст. 3 пост. СНК РСФСР от 15 ноября 1927 г. («С. У.» № 118 ст. 800) «о мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях» говорится, что ЖАКТы и ж. т-ва обязаны принимать в члены товарищества временных жильцов из рабочих и служащих, состоящих членами профессиональных союзов и фактически проживающих в домовладении не менее одного года.

Между этими постановлениями имеется кажущееся на первый взгляд противоречие. Судебная практика показывает, что это обстоятельство приводит к разному пониманию и применению судами и жилищными органами указанных постановлений. С одной стороны, считая, что ст. 5 поста. от 1 августа противоречит ст. 3 пост. от 15 ноября, признают, что временные жильцы во всех случаях приобретают самостоятельное право на занятие освобождающейся жилплощади, если они проживают в доме не менее года. Иными словами считают, что более позднее пост. от 15 ноября покрывает собой пост. от 1 августа в этой части. С другой стороны, некоторые суды, считая, что ст. 5 пост. от 1 августа и ст. 156-б ГК противоречат тому же пост. от 15 ноября, признают, что временные жильцы, прожившие в доме не менее года, не могут быть выселены из занимаемой ими жил. площади, так как они имеют право быть приняты в члены жил. т-ва и тем самым приобрели самостоятельное право на площадь. Как по первому, так и по второму вопросу приведенное толкование постановлений о временных жильцах следует признать неправильным.

Согласно ст. 5 поста. от 1 августа временные жильцы из числа рабочих и служащих, а также приравненных к ним категорий населения, живущие в данном доме более двух лет, приобретают самостоятельное право на занятие не той площади, которую они, как

временные жильцы, занимают, а той, которая освобождается в данном доме и может быть им предоставлена в порядке соответствующей очереди. Установленный этим постановлением двухлетний срок пост. СНК от 15 ноября сокращен до одного года, однако, не для всех временных жильцов из числа трудящихся, а только для рабочих и служащих, состоящих членами профессиональных союзов, которые, опять-таки, по истечении года приобретая право быть членом жил. т-ва, вправе требовать предоставления им жилой площади в доме в общем порядке, но отнюдь не приобретают самостоятельного права на занимаемую ими площадь. Таким образом, постановление от 1 августа и 15 ноября 1927 г. о правах временных жильцов, проживших в доме больше одного или двух лет, на жилплощадь, не находится в противоречии со ст. 156-б ГК, так как последняя говорит об отсутствии у временных жильцов права на автоматическое возобновление договора о пользовании занимаемой временным жильцом жил. площади; пост. же от 1 августа и 15 ноября устанавливают для временных жильцов, проживших в течение определенного срока (1 или 2 года) в данном доме, самостоятельное право на занятие освобождающейся в этом доме жилой площади наряду с другими жильцами. Это, конечно, может, напр., в конкретных случаях привести к тому, что выселяемый основным с'емщиком из квартиры временный жилец, проживший в доме больше года, не получит в данном доме жилой площади (хотя он и является уже членом жил. т-ва), так как очередь на удовлетворение жилплощадью нуждающихся до него еще не дошла. Однако, правильность такого понимания указанных законов о временных жильцах вытекает не только из анализа содержания этих законов, но и из необходимости ограждения в первую очередь интересов основных, постоянных жильцов при столкновении их с интересами временных жильцов.

В. Тадевосян.

Борьба с бюрократизмом в работе нотариата.

Вопросы борьбы с бюрократическими извращениями, ненужной перепиской, разбуханием штата, невнимательным, подчас бездушным отношением к посетителям, грубостью, проявлением чиновничества, ненужного формализма,—не могли не найти своего отражения в работе нотариата. Многие говорят, что отрицательных моментов, граничащих с бюрократизмом, больше всего имеется в судебных органах, в особенности же, в деятельности нотариальных контор, института, находящегося в строго формальных рамках, где должна быть проведена коренная реформа как в отношении упрощения делопроизводства, так и прекращения требований исполнения буквы закона, ненужных удостоверений и т. д. Это так и не так. Конечно, при наличии в нотариате работников-чиновников излишняя формальность может иметь место, как отрицательная сторона. Конечно, волокита недопустима. Однако, недопустимо также под видом борьбы с бюрократизмом искажение революционной законности. В практике нотариата нередки случаи, когда формальные требования, необходимые для соблюдения интересов революционной

законности, называются бюрократизмом. Напр., требование по уставу артели выписки на протокола о составе членов правления при выдаче доверенности является необходимой формальностью. Верховный суд также держится формальной точки зрения, отнюдь не противоречащей необходимости борьбы с канцелярщиной, не считающейся с жизнью и тормозящей ход ее излишним формализмом и т. п. Так, напр, в инструктивном письме Г. К. К. № 1 за 1927 г. говорится: «Роль некоторых специальных законоположений в обороте и кредите превращает формальные требования закона в твердую систему взаимоотношений (вексельное, банковское, жел.-дорожное право и т. д.), колебать которую недопустимо. Формализм в подобных случаях несколько не противоречит, а наоборот, подтверждает все сказанное о революционной законности. Подобным образом, напр., смотрит Верховный суд на роль вексельного права («Судебн. практика» № 2 1927 г.).

Как видно из этого письма, Верховный суд требует от судебных работников четкого знания нашего законодательства, умения отграничивать формальные требования в интересах революционной законности от требований, граничащих с издевательством, и, безусловно, стремясь к упрощению самого судебного процесса, не разрешает под видом борьбы с бюрократизмом освободиться от стесняющих норм закона. В другом случае, когда налицо имелось формальное отношение к делу, ГКК Верхсуда, несмотря на то, что нотариус формально был прав, определила: «Хотя ни на векселях, ни в заявлении векселедержателя адрес векселедателя управления Лгр. об'ед. кирпич. и мелоплав. заводов, не был указан, однако, поскольку из самой подписки усматривается, что векселедатель—госпредприятие, находящееся в Ленинграде, адрес его мог быть установлен нотариусом по любому справочнику по Ленинграду, в виду чего ссылка его на то, что адрес «Кирпичмела» ему не был известен, и учинение протеста векселей в порядке примечания к ст. 12 Полож. о векселях, без пред'явления векселедателя требования о платеже, является недопустимым формализмом с его стороны».

Таким образом, необходимо строгое разграничение формальных требований закона от ненужного формализма в повседневной деятельности. На обязанности нотариата лежит выполнение разных нотариальных действий, нотариальное удостоверение, т. е. проверка законности сделок, договоров и т. д. и подтверждение этих обстоятельств государственным учреждениям. В своей деятельности нотариат ограничен строго формальными требованиями. Принадлежа к области бесспорных актов, нотариальные акты не допускают их оспаривания и некоторые из них имеют исполнительную силу. Факты, могущие иметь большие юридические последствия, удостоверяются нотариусом и облегчают доказательство на суде. Советский нотариат, как по форме, так и по структуре, напоминает собою наш дореволюционный, однако, базируясь на пролетарском законодательстве и вызванный к жизни классовым гражданским правом пролетарского государства, представляет по содержанию своей работы совершенно иную картину, которая не допускает в его аппарате элементов ненужного формализма и бюрократизма.

Нотариусы обязаны активно участвовать в правовой и общественно-политической работе. Нотариат является государственным органом, оказывая систематически правовую помощь трудящимся через участие

в справочно-консультационной работе, работе с нарзаседелателями, в домах крестьянина, в клубах и т. д.

Таким образом, классовое содержание работы советского нотариата не подлежит сомнению, и мнение о том, что нотариат по старому институт чиновничества—ошибочно. В связи с новым законодательством по выдаче свидетельств о наследовании, депозите, передаче загружающих суд бесспорных исковых дел нотариату на взыскание по его исполнительным надписям на протестованных векселях, счетах квартирной платы и за электричество, соглашениях о содержании детей, обязательствах кассам взаимопомощи, страховых квитанциях Госстраха и т. д.—нотариат приобретает все большее общественное значение, обслуживая в значительной мере трудящихся. Современная действительность также и от нотариата требует проверки исполнения—главного элемента в борьбе с бюрократизмом, и самокритики, как способа привлечения к устранению недостатков в его аппарате широкой общественности. И конечно, нотариальным работникам не нужно забывать, что в советском нотариате не должно быть чуждых пролетарскому госаппарату людей. Социалистическое соревнование не могло пройти и мимо Нотариата, и оно, безусловно, еще в большей степени делает его гибким, отвечающим запросам действительности. Конечно, оживление его работы не может быть сделано за счет колебания твердых систем взаимоотношений, требуемых законом.

Внутренняя сторона также требует безусловного упрощения и устранения излишней переписки и замены живого руководства бумажным. Между прочим, случаи и здесь, правда бессознательные, имеются. Так, напр., в Ленинграде вопросы внутреннего порядка требовали для своего разрешения подачи рапортов; для примера приводим случай подачи рапорта зам. нотариуса нотариусу, которые сидели рядом в одном кабинете.

Нотариусу 3-й Госнотконторы.

Зам. нотариуса нотконторы.

Рапорт.

Сообщая о том, что несмотря на сделанное мною указание курьеру Иванову Ф. И. о времени топки печей в конторе, таковая производится до 11—12 час., прошу или подтвердить мой указание с тем, чтобы они выполнялись или принять иные административные меры, так как считаю нерациональным производить топку печей в рабочее время, когда контора полна клиентов, а также лишает возможности послать курьера с поручением, когда он занят с печами. Неудобно это и потому, что, торопясь закрыть несвоевременно затопленные печи, курьер снабжает служащих угаром, о чем мне поступило заявление 3 сотрудников.

На рапорте резолюция: «По содержанию рапорта переговорить лично для согласования этого вопроса».

Конечно, помимо своей безграмотности, рапорт говорит за проявление чиновничества, разрешение мелочного вопроса ненужной бумажкой.

В большинстве нотариальных контор в Ленинграде практикуется письменная отдача по конторе всевозможных мелких распоряжений, приказов, предупреждений, выговоров сотрудникам за те или иные ошибки. Создается целое дело распоряжений по конторе. Так, напр., чтобы пересадить сотрудника со стола на стол или возложить на него исполнение каких-либо времен-

ных дополнительных обязанностей, нотариус пишет по конторе распоряжение, на котором сотрудники должны расписаться. Такое положение приучает и сотрудников к требованию ненужного формализма. И так, в настоящих условиях, являясь неотъемлемой частью классового государственного аппарата, стоя на страже революционной законности, служащей интересам широчайших трудящихся масс, нотариат должен быть в своей работе усилен общественным контролем.

Как никогда ранее, работники нотариата должны полностью отвечать своему назначению. Проверка фактического исполнения, четкость в работе, осознание классового назначения нотариальной работы требует от них хорошего знания и изучения закона, умения быстро реагировать на те или иные моменты в работе и умения разграничить необходимый формализм от формализма, с которым ведет борьбу вся наша общественность.

Нотариус В. Самсонов.

Ленинград.

„Признание“, как судебное доказательство в гражданском процессе.

(По поводу статьи Л. Егорова—Е. С. Ю.
№ 13—29 г.).

Наше законодательство всячески стремится к упрощению процесса.

Хозяином процесса является суд. Инициатива в судебном разбирательстве принадлежит суду. Стороны лишь представляют на разрешение суда свои требования и указывают доказательства таковых (76 ст. ГПК).

Старая формула: «Истец должен доказать свой иск, ответчик обязан доказать свои возражения» справедливо отвергнута и заменена иным требованием: «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основания своих требований и возражений» (118 ст. ГПК).

Раз стороны вынуждены обратиться за разрешением спора в суд, значит спор существует, значит признания иска нет.

Речь может идти только о признании фактов, по слову закона,—обстоятельств, на которые та или иная сторона ссылается.

Если сторона признает определенный факт или обстоятельство, то суд определяет, что оно не нуждается в доказательствах (120 ст. ГПК) и только.

Есть ли необходимость после этого вводить в процесс излишнее понятие судебного доказательства? Единственный ответ—это ответ отрицательный. Признание факта, которое только и необходимо суду, понятие общежитическое, общедоступное, в регламентации не нуждающееся. Оно не есть термин. И законодательство наше избегает терминологии, затемняющей правосознание неискушенных судей и являющейся жупелом для масс.

А введение этого термина, как особого вида доказательства, повлечет за собой, как то признает и сам автор статьи, уточнение и развитие в законе этого юридического понятия «признания» и обязательных юридических последствий такового, обязательных для суда и, следовательно, стесняющих его самостоятельность.

А какой широкий путь для злоупотреблений как в материальном, так и в процессуальном смысле открывает для недобросовестных тяжущихся введение в закон этого юридического понятия. Сколько излишнего напряжения потребует это от судей. Какой точной формулировки ответов растерявшегося ответчика потребует фиксация этого признания в протоколе судебного заседания. Сторона будет ловиться на слове. В правосознании масс различия в признании факта и иска улавливается очень туго.

А с материальной стороны? Практика дает нам массу случаев стремления сторон закрепить через посредство судебного решения за собою право в обход закона, в ущерб казны или третьих лиц.

Таковы иски об имуществе в обход законов о наследовании, о праве на строения, об исключении имущества из описи, фиктивные разделы, фиктивные алименты в обход 101 ст. ГК и т. п. Судьям-практикам известно, что во всех этих делах подавляющее значение имеет признание иска ответчиком.

Какая же вакханалия поднимется, если признание иска будет регламентировано, как наиболее твердое основание правильности требования и, следовательно удовлетворения иска. Суд будет совершенно связан этим доказательством.

На первый взгляд наиболее веским аргументом автора статьи является ссылка на то, что наш ГПК оперирует уже с понятием признания иска в 187, 187-а, 18 ст.ст. ГПК и 50 ст. ГК, почему-де требуется регламентация этого понятия в законе, как термина. Но мы полагаем, что это не так. Ст. 18 ГПК указывает на признание представителя, как на действие, могущее повлечь известный ущерб для доверителя, почему требует для этого особой осторожности в действиях и, потому, особо квалифицированного вида доверенности наряду с правом окончания дела миром, отказа, полностью или частично, от иска, получения имущества и проч. Здесь признание равносильно невозражению, общепонятно и в регламентации, как виде доказательства, не нуждается.

Равным образом, не взывает к регулированию законом и имеющая процессуальное значение ст. 50 ГК. Эта статья прямо говорит не о судебном признании, как виде доказательства по мысли автора статьи, а о «действиях, свидетельствующих о признании долга», т. е., о действиях внесудебных,—внесудебном признании, которое, будучи надлежаще удостоверено, по действующему законодательству, может служить не меньшим доказательством, чем признание, прямо выраженное на суде.

То же надлежит сказать и по ссылке на правило 187-а ст. ГПК. П. «а» этой статьи говорит о документах, признанных ответчиком, т. е. опять-таки речь идет о признании фактов, а не исков.

Правда, ст. 187 ГПК в п. «в» говорит об «исках, признанных ответчиками при разборе дела на суде, целиком или в части», и, таким образом, является единственной статьей, указывающей косвенно на характер признания исков «на суде»; но самый тот факт, что закон подробно поясняет характер этого признания: «при разборе дела на суде» свидетельствует, что это исключительное, установленное в видах целесообразности и ускорения процесса правило основано на логическом выводе, что такие решения не обжалуются сторонами, и поэтому нет оснований ожидать исполнения решения до истечения срока на обжалование.

В данном случае ясно, что процесс рассмотрения дела кончается согласием ответчика на удовлетворение иска полностью или частью.

Совершенно иначе будет стоять вопрос, если «признание иска» введено в число доказательств иска, где оно безусловно сыграло бы роль наиболее верного и бесспорного доказательства.

Тут оно играло бы роль доказательства в течение всего процесса, связывало бы суд несмотря ни на какие 119 и 2 статьи ГПК, так как на практике допускать или не допускать признания иска невозможно, а раз спор дошел до ведения суда, то суд в силу этих статей закона одинаково свободен в разрешении спора, будет ли обозначено в законе «признание», как доказательство, или как общежитейское, общепонятное отсутствие спора.

Ни история права, ни, тем более, ссылка на чуждое нам иностранное законодательство и носящий строго-связательный характер дореволюционный Устав гражд. судопроиз. не убеждают нас в том, что «признание иска», как норма,—понятие нашему законодательству чуждое, противоречащее общему его духу и практически нецелесообразное, и исключение его из числа доказательств явилось не пробелом, не упущением, а сознательным актом законодателя, устранившим из закона всякий фетишизм—преклонение перед предустановленными доказательствами.

Практика же гражданского процесса, насколько помнится, ни разу за 6 лет действия ГПК не возбуждала сомнений в значении самого понятия «признание», тогда как бороться с этим видом «доказательства» приходилось не раз.

С. Николаев.

Красноярск.

Производство дел об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям¹⁾.

(К вопросу об упрощении гражданского процесса).

Закон об обязательной военной службе устанавливает целый ряд обстоятельств, влекущих освобождение от военной службы. Предоставление тех или иных льгот отдельному призывнику производится нижестоящими призывными комиссиями с правом обжалования постановления их в вышестоящую призывную комиссию. Исключением из этого правила является освобождение от военной службы по религиозным убеждениям, каковое производится судебным порядком. Порядок производства дел данной категории предусмотрен 26-й главой ГПК. Упрощение гражданского процесса вызвало коренные изменения в отделе особых производств Гражданского процессуального кодекса. Все то, что не носило характера спора—из Кодекса исключено. Такая участь постигла вопросы расторжения брака, выдачи судебных приказов по актам, внесения в суд предметов обязательства (депозит) и бесспорных вопросов введения в право наследства. Все эти вопросы переданы подлежащим органам, как-то: отделу записей актов гражданского состояния, нотариальной конторе и финотделу. Дальнейшее упрощение

процесса должно также вызвать передачу на разрешение в административном порядке вопроса, связанного с освобождением от военной службы по религиозным убеждениям. Нет никаких оснований лишать призывные комиссии, разбирающие вопросы о предоставлении льгот, скажем, по семейно-имущественному положению, об освобождении по состоянию здоровья, разбирать и вопрос об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям.

Гражданский процесс призван для разрешения споров о праве гражданском. Вопрос же о праве исповедывать ту или иную религию и установление факта принадлежности к той или иной религиозной секте не есть вопрос права гражданского, а речь идет исключительно об освобождении от публично-правовой обязанности. Религиозная свобода предусматривается Конституцией (ст. 4), и право на освобождение от военной службы по религиозным убеждениям регламентируется 233—238 ст.ст. Закона об обязательной военной службе, а поэтому и разрешение этого вопроса подлежит административным органам.

Кроме отсутствия самого права гражданского в данном случае отсутствует и спор. При производстве данного дела нет сторон. Налицо только одна сторона, одно лицо, ходатайствующее об освобождении и доказывающее свою принадлежность к той или иной религиозной секте. Другой же стороны, оспаривающей данное положение, нет. Некоторые практические работники, ссылаясь на обязательное участие прокурора при разборе подобного дела, считают, что второй стороной, оспаривающей положения ходатайствующего, является государство. Такое понятие неверно. Прокурор в данном случае только дает заключение. Никакой аналогии со 2 ст. ГПК в данном случае нет, а наоборот, имеется полная аналогия с 244 ст. ГПК, т.е. участием прокурора в кассинстанции, где он выступает, как представитель органа государственного надзора за законностью. Изложенное соображение находит себе подтверждение в практике ГПК Верховного суда, каковая и указала: «что толкование процесса освобождения от военной службы, как искового, и приравнивание по аналогии прокурора к ответчику является безусловно неправильным, поскольку в означенных делах, стоящих особняком в гражданском процессе, нет и не может быть двух сторон» (определение ГПК Верховного суда 1925 г., вып. 1, дело № 31555, стр. 221).

Объяснительная записка НКЮ к проекту Гражданского процессуального кодекса не дает ответа на вопрос, почему освобождение от военной службы по религиозным убеждениям производится в порядке гражданского судопроизводства. Из той же записки видно, что эти дела рассматриваются не народным судом, а высшей инстанцией—губернским судом, имеющим более квалифицированный состав и дающим поэтому более серьезные гарантии правильного решения этих дел; что в интересах строгого и глубокого исследования действительности тех убеждений, на которые ссылается подавший заявление, к обязательному участию при разборе этих дел привлекается представитель прокурорского надзора и, наконец, чтобы суд мог лично убедиться в искренности лица, ходатайствующего об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям, устраняется всякая возможность замены себя представителем на суде.

Однако, все вышеизложенное в объяснительной записке положения ни в какой мере не убеждают в не-

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

обходимости именно судебного рассмотрения данной категории дел. При передаче дел данной категории на рассмотрение призывных комиссий, также возможно установление такого порядка, по которому эти дела рассматривались бы в губернских призывных комиссиях, имеющих более квалифицированный состав. Нет никаких оснований считать членов губернской призывной комиссии менее компетентными, чем членов суда, тем более, что обязательное участие эксперта может быть сохранено.

В состав призывной комиссии входит врач, являющийся экспертом по вопросу о физической пригодности призывника, естественно, что при разрешении вопроса об освобождении по религиозным убеждениям эксперт-врач заменяется экспертом-религиоведом.

Формальное участие прокурора при разборе этих дел навряд ли может гарантировать строгое и глубокое расследование действительности тех убеждений, на которые ссылается проситель. Предварительное расследование по делам данной категории не производится, и в судебном, (к тому же еще назначенном, согласно циркуляру НКЮ № 237 от 5.I—23 г., вне очереди в ближайшем после подачи заявления) заседании приходится сталкиваться именно с теми доказательствами, какие представляет сам проситель, доказательства же противного характера никем не представляются. Передача дел данной категории призывным комиссиям в этом отношении давала бы больше гарантии. К моменту призыва в распоряжении призывных комиссий имеются богатые заранее собранные материалы, касающиеся каждого призывника в отдельности, его социальное положение, семейно-имущественное и т. п., естественно, что и в случае передачи им на разрешение дел данной категории нужные материалы будут предварительно подготовлены.

Что же касается устранения возможности замены себя представителем, то призывные комиссии вообще по самой своей задаче не знают и не могут знать такого положения, при котором призывника мог бы заменить кто-нибудь третий.

Публичность судебного процесса навряд ли в данном случае имеет свою положительную сторону. Классовый враг старается в подобных случаях превратить судебное заседание в трибуну религиозной агитации. Эти стремления усилились с момента изменения ст. 4 Конституции, по которому исключено право религиозной пропаганды.

Суммируя все изложенное, надлежит прийти к выводу о целесообразности исключения из ГПК 26-й главы и передачи вопроса об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям на разрешение призывных комиссий.

Барзман.

Тула.

„КОМОНЕС“.

(Комиссия по делам несовершеннолетних).

В связи с проведением в жизнь постановления ВЦИК и СНК о 3-летнем плане борьбы с детской беспризорностью и в связи с постановлением ЦК ВКП(б) о ликвидации детской беспризорности в ближайшие годы, работа комиссии по делам несовершеннолетних приобретает особо важное значение, т. к. детские пра-

вонарушители являются одной из самых тяжелых и и социально-опасных форм детской беспризорности и безнадзорности. Несмотря на всю «значимость» этой работы, она до сих пор является на положении «пасынка», и до сих пор мы сталкиваемся на местах с тем, что делу борьбы с детскими правонарушениями не уделяется должного внимания не только со стороны советских органов, призванных участвовать в этой работе, но даже и со стороны отделов народного образования, на которые возложена организация и руководство этой работой. Здесь мы сталкиваемся почти с «хронической» формой заболевания: нет бюджета, штатных работников, помещения и т. п.

Председатель Комонес зачастую выполняет по совместительству другую работу, не уделяя достаточного внимания своей основной работе.

Специального штата платных обследователей нет. Комиссия, зачастую, вынуждена заниматься в проходной комнате.

Целый ряд недочетов можно было бы частично изжить привлечением к делу борьбы с детскими правонарушениями широкой общественности, но, к сожалению, в этой области сделано очень и очень немного, а между тем этими вопросами живо интересуются в широких слоях рабочей и крестьянской массы.

С другой стороны, вовлечение местной общественности в борьбу с детскими правонарушениями Комонес сумеет организовать только тогда, когда сама комиссия будет достаточно работоспособным органом, а для этого необходимо обеспечить Комонес:

1. Платными сотрудниками (в первую очередь председателем).
2. Твердым бюджетом.
3. Регулярным инструктажем вышестоящих органов.

Для приближения всей работы Комонес к местному сельскому населению, необходимо на территории каждого округа организовать сеть районных комиссий.

С «сетью» также обстоит дело далеко не благополучно. Мы наблюдаем на территории Союза большую пестроту в построении сети. Особенно это относится к районированным местам.

До настоящего времени мы не имеем из центра указаний о функциях и правах Облкомонес.

Ленинградская область опередила в этом вопросе Центральную комиссию, выработав свое положение, которое сводится в основных чертах к следующему:

Состав областной комиссии «типовой». Председатель—представитель Облоно; члены от Облсуда и Облздраотдела по одному. С совещательным голосом могут присутствовать представители Облкома ВЛКСМ, Облотдела работниц, Облпрофсовета.

Члены комиссии постоянные и получают вознаграждение каждый по смете своего учреждения.

В круг ведения Облкомиссии входят:

а) руководство деятельностью местных окружных и районных комиссий по делам несовершеннолетних, наблюдение за правильным их функционированием и учет их работы;

б) дача разъяснений и указаний по возникающим у местных комиссий вопросам, связанным с применением декретов и инструкций, касающихся постановки и ведения дела по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних;

в) рассмотрение годовых отчетов и заслушивание докладов о работе местных комиссий;

г) производство периодических обследований;

д) выработка и осуществление через соответствующие органы и организации мероприятий, направленных на борьбу с правонарушениями детей и подростков.

Положение это при проведении в жизнь целиком себя оправдало. Облкомонес занялась общим руководством и инструктажем. На заседаниях Облкомонес вместо разбора дел ставятся доклады председателей райкомонес и окркомонес с содокладом инспектора. Вся же непосредственная работа по обследованию жизни правонарушителя и разбор дел переносится, согласно этого положения, на периферию—в райкомонес. До сих пор обжалование постановлений Комонес принадлежит Центральной комиссии по делам несовершеннолетних.

Было бы целесообразно, в целях устранения излишней волокиты, «кассационные» функции предоставить непосредственно Облкомиссиям на местах. Этот вопрос назрел и его необходимо поднять перед Наркомпросом и Верховным Судом.

Большие затруднения в работе составляет отсутствие в большей части округов учреждений для трудновоспитуемых детей, а также очень часто срывают работу подростки-рецидивисты в возрасте от 14—16 лет,

не поддающиеся мерам медико-педагогического воздействия, не уживающиеся в детских учреждениях.

Статистика детских правонарушений дает кривую повышения как раз в возрасте от 14—16 лет.

В большинстве характер правонарушений: мелкие кражи, хулиганство. Редко, но все же приходится иметь дело с тяжкими видами детских правонарушений—убийство, изнасилование. Так, например, статистические данные по Новгородскому округу за 1928 г.: прошло 564 дела, из них по воровству привлекалось 278 чел., хулиганству—94, убийству—10, изнасилованию—8. Эти цифры лишней раз говорят за то, что мы имеем дело с серьезнейшей и ответственной задачей, поставленной перед работниками Комонес в деле борьбы с детскими правонарушениями. Нужно, чтобы это сознание проникло в поры советских органов, общественных организаций и в первую очередь по линии отделов наробраза, суда и прокуратуры. Только тогда, когда будет уделено больше внимания этому забытому фронту и со стороны широкой общественности, можно будет сказать, что к делу борьбы с детскими правонарушениями мы приступили всерьез и сможем выполнить имеющиеся в этой области правительственные и партийные директивы.

М. Вальяно.

Практика мест.

Применение 107 ст. УК в нехлебоборных районах.

По точному смыслу 107 ст. УК, преследуется в уголовном порядке злостное повышение цен на товары путем скупки, перепродажи и невыпуска таковых на рынок и поскольку речь идет о злостных скупщиках, торговцах и злостных держателях товаров исключается смысл привлечения в уголовном порядке лиц, не являющихся торговцами и продающими те или другие хранимые ими товары к моменту отсутствия таковых на рынке по повышенным ценам.

Между тем в нехлебоборных районах, являющихся потребительскими районами, в частности в Калмыцкой авт. области Нижне-вожского края, особенно в настоящий момент известного затруднения в хлебоснабжении населения широко развит у средне-зажиточной части населения метод закупок муки в соседних округах, напр., в Ставропольском округе, и перепродажи таковой на 2—4 рубля дороже закупочной стоимости за пуд.

Покупка эта производится небольшими партиями с определенным расчетом создать видимость приобретения для собственных нужд, но производится систематически. Закупка муки производится преднамеренно с осени, т. к. в весеннюю пору Калмыцкая область, как потребляющий район, обычно испытывает известные затруднения в хлебоснабжении населения, и весной эта мука распродается среди населения по цене в 2 раза выше закупочной цены осенью. Эти действия инкриминируемы по 107 ст. УК быть не могут, так как смысл этой статьи подразумевает в первую очередь торговцев и во вторую очередь злостных держателей хлеба—кулаков. На самом же деле приведенная выше спекуляция мукой в первом случае и злостное ее держательство до весенней поры, во втором случае, является определенным социально-опасным действием, так как, во-первых, выкачивает хлеб из хлебозаготовительных районов и, во-вторых, закабалает бедноту в нехлебоборных районах.

По существующей практике Калмыцкого областного суда в силу комментирования 107 ст. УК привлечение к ответственности в указанных выше случаях не проводится. Между тем, само существо вопроса борьбы со злостным повышением цен на товары требует

подробного уточнения применения ст. 107 УК в указанных районах.

Далее, не безынтересен следующий момент, также не подпадающий под точный смысл ст. 107 УК. Это вопрос спекуляции сенозапасами. Характерен случай, имевший место в Эркетеневском улусе Калмыцкой области. В 1928 г. летом, в виду бескормицы, охватившей большую часть Эркетеневского улуса, начался сильный падеж скота, и так как практикующиеся запасы сена зудового фонда (фонда, создаваемого земельными управлениями для борьбы с «зудом»—болезнью скота от бескормицы) были заготовлены в недостаточном количестве, падеж скота принял крупные размеры. Этим обстоятельством воспользовалась кулацкая и зажиточная часть населения, которая стала всячески сбивать цену на скот, бараны продавались вместо 15 р. по 4 р., а коровы вместо 40—60 руб. по 20—25 руб. Для более дешевой закупки скота кулаки пустили в продажу имевшиеся у них сенные запасы вместо 35 коп. за пуд по 1 руб. и выше. В итоге беднота оказалась совершенно без скота, а кулачество разжилось на этой операции. Отсюда встает вопрос, не является ли это вздутые цен на сено в 3 раза больше, настолько злостным, что беднота была принуждена продавать за 1/3 цены свой скот и не было ли правильным применение в таком случае к этому кулачеству ст. 107 УК? К сожалению, комментарий УК дает ответ, что под злостным повышением цен нельзя понимать продажу по повышенным ценам продуктов своего хозяйства, если таковые были заготовлены до момента затруднения в снабжении этим товаром населения. Подчеркиваю, что обязательное постановление УИКа о предельной цене на сено было издано, но кулаки предпочитали подвергаться штрафу в виде своего рода пошлины за такую торговлю, но деятельности своей не оставляли, и, конечно, привлечение их по 107 ст. УК в ударном порядке, с соответствующей репрессией было бы единственной реальной классовой защитой бедноты.

Подобных примеров о махинациях кулачества в потребительских районах можно было бы привести много. Напр., случай вздувания цен на калмыцкий чай в Калмыцкой области. Калмыцкий чай является основным продуктом питания даже среди зажиточной части калмыков, не говоря про бедноту. При затруднительности снабжения через кооперацию этим чаем населения, за-

житочные едут в город, закупают там чай и продают его рубля на 2—3 дороже за доску (плитку чая).

Каждый зажиточный предусмотрительно покупает для перепродажи не более 4—6 досок, помимо тех, которые он закупает для себя и полегоньку распродает у себя в хотоне, а та беднота, для которой разница в 2—3 рубля является громадной, гонит к нему баранов и овец взамен.

Придаться к таким продавцам мудроно, так как, как я указывал выше, они закупают для продажи небольшие количества, но систематически.

В итоге все эти методы злостного повышения цен, проводимые сельским населением среди сельского же населения, подчас более социально-опасны, нежели действия торгашей, так как тех пресечь в их деятельности недолго, в виду наличия ст. 107 УК, а на этих сельских торгашей таковая не распространяется. Между тем, действия последних глубоко затрагивают бедноту, забавляя или разоряя ее в конце.

Жизненная необходимость требует уточнения ст. 107 УК в смысле привлечения к ответственности и лиц, сбывающих имеющиеся у них в запасе товары—продукты сельского хозяйства по повышенным ценам при отсутствии таковых у населения данного района или известном временном затруднении в снабжении таковыми населения или при стихийном бедствии, злостно повышающих цены на товары в период их временного отсутствия у населения.

Помпрокурора *Паногова.*

Ст. Долбан, Калм. обл.

Нет единства практики по 31 ст. Кодекса о браке, семье и опеке.

Ст. 31 Код. о браке, семье и опеке в заключительной своей части возлагает на лицо, признанное судом отцом ребенка, кроме расходов по содержанию ребенка обязанность выплачивать содержание матери ребенка в течение ее беременности и 6-месячного срока после родов. Казалось бы изложение закона ясное, но допускающее толкований. На практике же мы видим совершенно иное: обязанность выплачивать матери ребенка вызывает целый ряд недоуменных вопросов, и у судов нет в этом единства практики. Одни, основываясь на разъяснении пленума Верховсуда от 19/1—26 г.—«ЕСЮ» № 6—26 г., считают, что присуждение на содержание матери ребенка следует исчислять с момента предъявления иска до конца беременности и за 6 месяцев после родов. Другие считают, что положение матери-домашней хозяйки (незастрахованной) не может быть привилегированной положения матери-работницы, получающей по беременности 4-х месячный отпуск с оплатой его за счет страховых касс, таким образом, незастрахованная мать по 31 ст. Код. о браке, семье и опеке должна с лица, признанного отцом ее ребенка, получать содержание за 2 до и 2 месяца после родов. Мать ребенка, застрахованная, как получающая отпуск за счет страховки, содержания на себя с отца ее ребенка по 31 ст. Код. о браке, семье и опеке получать не имеет права. Оба эти взгляда мы считаем неверными и основанными на неправильном понимании идеи законодателя, вложенной в 31 ст. Код. о браке, семье и опеке.

Возлагая на лицо, признанное отцом ребенка, обязанность выплачивать в течение беременности и 6 месяцев после родов содержание матери ребенка, законодатель, очевидно, имел в виду, для сохранения здоровья матери и вынашивания жизнеспособного ребенка, хотя на указанный, явно необходимый срок, улучшить материальное положение женщины-матери. Что это так, об этом свидетельствует установленный законодателем 6-месячный срок содержания матери ребенка после родов, который, разумеется, не является случайным и, очевидно, обоснован на том, что 6-месячный срок считается необходимым сроком для кормления ребенка грудью—срок, наиболее истощающий силы матери и требующий улучшенного питания.

Выводное положение о том, что исчисление выплаты содержания матери ребенка нужно считать с момента предъявления иска является неправильным по

одному тому, что, согласно 30 ст. Код. о браке, семье и опеке, в противоположность 28 ст. того же кодекса, мать ребенка с заявлением об установлении отцовства в суд может обратиться лишь после рождения ребенка и если бы мы стали исчислять сроки для ее содержания с момента предъявления иска, то гарантию, установленную для матери ребенка 31 ст., свели бы на нет.

Таким образом, следует признать, что, во-первых, право матери ребенка на содержание ее по 31 ст. Код. о браке, семье и опеке распространяется в одинаковой мере на матерей, работающих по найму (застрахованных) и неработающих, при чем присуждение на ее содержание должно иметь место за срок 9 месяцев до и 6 месяцев после родов независимо от момента предъявления иска, за исключением тех случаев, когда от момента родов прошло более 3-х лет (на право матери по 31 ст. Код. о браке, семье и опеке следует распространить 3-летнюю исковую давность).

Во-вторых, право матери по 31 ст. Код. о браке, семье и опеке отнюдь не превращается в обязанность суда. Размер платежей устанавливается в зависимости от материального положения сторон. При установлении достаточной материальной обеспеченности матери ребенка, суд вправе ей в иске о содержании отказать.

Стаценко.

г. Славгород.

О злостных должниках.

Хотя участие частного в хозбороте систематически уменьшается, а деятельность частного в качестве контрагента госпредприятия и того меньше, тем не менее госпредприятию нередко приходится фигурировать в качестве кредитора, ищущего пути, как получить с частного удовлетворение по своим претензиям и даже по таким, по которым уже имеется решение суда.

Частник до того палочился уклоняться от платежа своих долгов хозпредприятию, что некоторые осмеливаются предлагать кредитору погасить свои претензии на явно невыгодных для кредитора условиях (25%), под угрозой. «иначе ничего не случится».

Пути для выполнения этой угрозы не так сложны пачиная от передачи имущества на «чужое имя»: жить, вернее, быть прописанным в «разделе» от своей семьи в какой-то комнате-лачуге, иметь предприятие на имя подставных лиц или даже жить без прописки.

Нельзя, кстати, не отметить, что деятельность А./О. «Кредитбюро» в отношении отыскания средств и имущества таких должников поставлена из рук вон плохо. Агенты Кредит-бюро не только не способны установить фактическое место жительства должника, живущего без прописки, но в отношении отыскания его имущества и доходов ограничиваются справкой домоуправления: «занимает такую-то жилплощадь, ничем не занимается».

Если рассматривать эти факты по существу, то нельзя их не оценивать иначе, как явно опасные и вредные для нашего государства (в лице его хозяйственных органов).

Деятелям наших хозпредприятий, при всем стремлении к мобилизации всяких ресурсов, приходится, что называется «со скрежетом зубовым» списывать со своего актива такие долги, т. к. по официальным справкам А/о Кред.бюро значится: «не розыскан», или «имущества у него нет», хотя у самого кредитора сомнения нет, что этот субъект «делает дела».

Вот почему, помня, что учиться не мешает и у своих врагов, и что советский суд обязан защищать интересы госпредприятий не меньше, во всяком случае, чем любое буржуазное государство защищает интересы «казны», приходится восстанавливать в памяти главу 8-ю дореволюционного Устава гражданского судопроизводства.

По правилам У. Г. С. кредитор мог требовать от должника, неограниченное количество раз являться в суд для указания средств к удовлетворению долга, при чем за дачу неправильных сведений он, т.-е. должник, отвечал в уголовном порядке.

Крепость нашего государства зиждется на мощности наших хозяйственных предприятий; от налоговых доходов мы стремимся перейти к доходам наших хоз-

предприятий. Поэтому мы думаем, что долги наших хозяйственных предприятий должны быть защищены не меньше, чем недоимки (долги) по налогам; подтверждение этому мы находим в наличии в нашем УК 131 статьи, предусматривающей злостное неисполнение договоров, заключенных с госорганом. И поэтому мы полагаем, что ст.ст. 60 и 169 2 ч. УК соответственно должны в практике найти свое применение и в отношении вышеописанных злостных должников госорганов и госпредприятий.

М. Рюкин.

Ленинград.

Исполнение решений судов по подлинным судебным делам невозможно.

Вопрос о состоянии исполнения судебных решений стал одним из самых больших вопросов, ибо рабочий и крестьянин подходит к нашему судебному аппарату не только с точки зрения быстроты вынесения решений, но и с точки зрения быстроты реализации этого решения.

В своей статье «Исполнять решения судов по подлинным делам» тов. Иваненко («ЕСЮ» № 23—29 г.) указывает на ряд моментов, сокращающих излишнюю работу по заведению отдельных производств у судебных исполнителей, и, в связи с этим, дающих экономию средств и рабочего времени.

Возможно ли исполнение, предлагаемое т. Иваненковым, по всем именно делам? Я считаю, что по всем делам исполнение решений по подлинным судебным делам невозможно. Напр., по алиментным, трудовым, увечным, авторским и по ряду других дел законом допускается немедленное исполнение. По такого рода делам исполнение производится немедленно по вынесенному решению. В то же время дело передат суд-исполнителю не представляется возможным, так как ответчик может решение обжаловать, и дело направляется в кассинстанцию.

Дальше, в практике судов нередко бывают случаи обращения сторон в суд после вынесения решения и вступления его в законную силу, о восстановлении срока на подачу кассационной жалобы. Иногда исполнение решения имеет некоторые затруднения или неясности, требующие дополнения или толкования решения (ст.ст. 61—63, 181 и 185 ГПК). В этом случае суд должен будет требовать от судебного исполнителя возвращения обратно дела для рассмотрения возбужденного ходатайства.

А как в отношении дел, которые будут истребованы прокуратурой в порядке надзора? Куда направлять требование: в суд или судиспу? Прокурор не будет иметь у себя сведений о том, что данное дело направлено судиспу для исполнения.

Помимо всего этого, в практике работы часто встречается довольно значительное число дел об уменьшении или увеличении алиментов. Суд, получая такое обращение, обязан прежде, чем пазначить дело к слушанию, разыскать основное дело. Указанное слово «разыскать» вполне себя оправдывает, так как плательщик алиментов всячески ухитряется менять свое место службы и жительства, а производство-дело следует за ним.

Следующее затруднение—при обращении в порядке ст. 79 ГПК за получением подлинного документа, приобщенного к делу, а дело возможно будет отправлено в другой район по месту жительства ответчика для приведения в исполнение (алиментные дела).

Что же, придется направлять заявление просителя тоже вслед за делом или истребовать дело обратно? При таком порядке получится большая волокита; суд же теряет всякое наблюдение за исполнением решения, так как в суде совершенно не будет дела, а будут одни регистрационные и алфавитные карточки, по которым наблюдение вести невозможно.

Кроме того, при всяких пересылках дел, подлинное дело может затеряться, а получить дубликат или восстановить подлинное дело невозможно.

Также неверно мнение автора в той части его статьи, где он говорит: «Нет нужды судиспу заводить производства, карточки-пот, разносные книги, паряды

и отпадает надобность в существующей переписке нар-судьи с судиспом». А как же он думает поставить справочную часть работы по исполнению решения? Ведения регистрационных и алфавитных карточек избежать невозможно, а переписка судьи с судиспом увеличится и на много; на истребование подлинных дел для рассмотрения вопроса восстановления срока на кассжалобу, дополнения или толкования решения, рассмотрения жалоб на действия судиспа, при требовании дела в порядке надзора и т. п. Таким образом, судиспу нет никакого облегчения в его работе. Поэтому лучше всего сохранить старый порядок выдачи исполнительных листов, тем более, что по всем делам исполнение решений по подлинным делам, как выше указано, невозможно, а создавать разнородный порядок исполнения нецелесообразно.

Наблюдение за исполнением решений со стороны нарсудей, при той постановке, как предлагает тов. Иваненков, возможно только в городах, где везде почти имеются судебные исполнители, а в сельских местностях, где исполнение производится, главным образом, или милицией, или сельсоветом, невозможно вести повседневное наблюдение и передавать им подлинные дела.

Необходимо улучшение постановки дела исполнения судебных решений путем ряда указаний, данных тов. Островским («ЕСЮ» № 49—50).

Нарсудья П. Бояркин.

Ст. Слепцовская.

Пот в органах юстиции.

Еще об экономии бумаги.

У нас имеются значительные запасы заготовленной еще ранее актовой бумаги очень хорошего качества.

Ее используют главным образом для написания различных сделок. Но используют весьма нерационально. Везде используют только первый полулист, на первой стороне которого имеется герб СССР, если сделка небольшая по своему содержанию. Второй полулист остается при сделке совершенно чистым.

Я полагаю, что от такой роскоши нужно отказаться и допускать написание сделок на первом полулисте (если сделка небольшая), считая оплату ее гербовым сбором, согласно указанной суммы на 1-й странице. 2-й же полулист надо использовать самостоятельно и даже для первого экземпляра той же сделки.

Вопрос этот требует скорейшего разрешения, т. к. многие работники, коим приходится иметь дело с актовой бумагой, не разрешают отделять второй полулист актовой бумаги, когда он совершенно неиспользован, исключительно по причине неполучения на этот счет соответствующих распоряжений свыше. Тем самым мы выбрасываем довольно большое количество бумаги высшего качества совершенно неиспользованной.

Сотрудник.

Первое Всесоюзное Совещание по воздушному праву.

Недавно закончились работы Первого всесоюзного совещания по воздушному праву. Совещание было организовано секцией воздушного права Союза Осовнахимз СССР и привлекло до 30 человек работников по этой специальности, в том числе научные силы Иркутска, Киева, Ленинграда и Харькова.

В порядке дня совещания, проходившего под руководством заместителей председателя секции воздушного права профессоров Е. А. Коровина и А. В. Сабанина, стояли: отчетно-организационный доклад члена президиума секции В. Л. Лахтина, доклад Е. М. Мена о деятельности Международного технического комитета экспертов по воздушному праву в Париже и доклад на ту же тему проф. Е. А. Коровина на основе личного его участия в последней (майской) сессии этого комитета. Наконец, доклад

проф. А. В. Сабанина о новых фактах в международном публичном воздушном праве, в частности, о недавней (июньской) сессии международной конференции по пересмотру воздушной конвенции 1919 года.

По всем докладам происходили весьма оживленные прения. В принятой резолюции, одобряющей деятельность секции воздушного права за истекшие четыре года и предложившей работу секции в дальнейшем строить под углом зрения помощи в осуществлении пятилетнего плана развития советской гражданской авиации, был признан целесообразным курс, взятый секцией на обслуживание советской гражданской авиации и на разработку вопросов политики и экономики воздушных сообщений.

Далее, совещание одобрило план работ секции и ее отделов, как пути теоретической и практической научно-исследовательской работы, так и методы популяризации вопросов воздушного права, экономики и политики.

В резолюции уделено также должное внимание вопросам связи между секцией и отделами ее на периферии, распределена работа по отдельным специальностям между отделами и установлены дальнейшие методы связи секции и ее отделов с соответствующими зарубежными научными кругами.

Работы совещания были ознаменованы крайней активностью основного кадра ее участников и несомненно окажут большое влияние на пропаганду понятий воздушной политики, экономики и права в союзных республиках и помогут научному оформлению главнейших социально-экономических вопросов, связанных с бурным ростом советской гражданской авиации.

А. С.-н.

Новое в Наркоматах.

Кодификация и упрощение трудового законодательства.

НКТ СССР и РСФСР начата большая работа по кодификации и упрощению трудового законодательства. НКТруды СССР и РСФСР обратились к советской общественности с призывом оказать им в этом деле поддержку.

Практическое привлечение общественности к работе по пересмотру законодательства о труде будет осуществляться следующими способами:

Опубликование проектов важнейших постановлений в печати в целях получения по ним отзывов и заключений. Оно будет применяться как по вопросам, разрабатываемым в порядке объединения (кодификации), так и по вопросам новым, которые будут возникать в работе органов труда.

Созыв совещаний из работников различных учреждений и организаций и отдельных лиц, работающих по вопросам труда, для обсуждения планов кодификационной работы, заслушивания информации о ходе работ, обсуждения важнейших проектов и пр.

Привлечение к непосредственной проработке различных проектов отдельных лиц из массы советского и рабочего актива.

НКТ СССР и РСФСР призывают отдельных трудящихся, госорганы, профессиональные организации и другие общественные организации, судебные органы, работников РКИ, судов, прокуратуры и всех других интересующихся: писать о всех замечаемых ими недочетах, неясностях и пробелах в действующем законодательстве о труде; при этом в виду намеченной на ближайшее время редакционной переработки новых правил о трудовых конфликтах (вместе с дополнительными постановлениями) просьба обратить на них особое внимание.

Давать свои отзывы и заключения по проектам постановлений, публикуемым в печати.

Принимать непосредственное участие в работе НКТ СССР и РСФСР как в случае обращения за помощью к тому или другому лицу, так и по своему личному почину, сообщая о желании участвовать в работе НКТ.

(«Изв. НКТ» № 30—29 г.).

Временная нетрудоспособность из-за пьянства не оплачивается.

Союзный Совет Социального Страхования при НКТ СССР постановил: вводную часть ст. 38 и п. «а» ст. 38 Правил о назначении и выдаче пособий по временной не-

трудоспособности, утвержденных Союзным Советом Социального Страхования при НКТ СССР 9 мая 1927 г. за № 121 («Известия НКТ СССР» 1927 г. № 23), изложить в следующей редакции:

«38. Пособие застрахованному не выдается в случаях:

а) наступлении нетрудоспособности вследствие острого опьянения застрахованного или причинения нетрудоспособности его действиями, вызванными острым опьянением (драки, ранения и т. п.), при чем в обоих случаях пособие не выдается за первые три дня нетрудоспособности независимо от общей ее продолжительности.

(Пост. СССР от 6/VI—29 г. № 205 — «Изв. НКТ» № 30—29 г.).

Кто лишается права на пенсию.

Союзный Совет Социального Страхования при НКТ СССР постановил: п.п. «д» и «е» ст. I постановления Союзного Совета Социального Страхования при НКТ СССР от 21 февраля 1929 г. № 97 о лишении права на пенсию и пособие по безработице бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, полицейских и т. п. («Изв. НКТ СССР» 1929 г., № 12—13) изложить в следующей редакции:

«д) членов семей лиц, перечисленных в предыдущих пунктах настоящей статьи, если они находятся на иждивении этих лиц, а в отношении пенсий по случаю смерти кормильца—в том случае, если они находились на их иждивении ко дню их смерти;

е) членов семей лиц, расстрелянных по постановлению суда или органа ОГПУ за бандитизм, шпионаж, политическую или экономическую контрреволюцию—только в отношении пенсий по случаю смерти указанных лиц».

(Пост. СССР № 219 от 20/VI—29 г. — «Изв. НКТ» № 30—29 г.).

Как оплачиваются отпуска застрахованным, едущим на курортное лечение.

Застрахованным, едущим на курортное лечение, пособие по временной нетрудоспособности выплачивается лишь при условии, если данное лицо признано Санаторно-Отборочной или Врачебно-Контрольной Комиссией подлежащим направлению на курортное лечение. Комиссия выносит свое решение после предварительного врачебного наблюдения.

При отсутствии указанного условия приобретение застрахованным путевки на курортное лечение не может служить основанием для выплаты пособия.

Застрахованным, едущим на курорты на стационарное (коежное) лечение по путевкам за счет страховых касс, хозорганов, профсоюзных и других организаций или за счет фонда улучшения быта рабочих и служащих, пособие выплачивается за срок курса лечения в данном санатории с добавлением времени, необходимого для проезда в оба конца.

Застрахованным, едущим на курорты на стационарное (коежное) лечение за свой счет, пособие выплачивается либо за весь срок курса лечения в данном санатории с добавлением времени, необходимого для проезда в оба конца, либо за отпуск, дополнительный к очередному.

Пособие выплачивается в следующие сроки: едущим по путевкам за свой счет все причитающееся пособие выплачивается вперед перед отъездом для лечения; прочим выплачиваются вперед две трети причитающегося пособия, а оставшая треть выплачивается по возвращении.

В случае, если время, оплаченное пособием, не было использовано застрахованным для показанного ему лечения на курорте, выплаченное ему пособие может быть взыскано страховой кассой обратно в установленном порядке.

(Раз'яснение НКТ СССР № 220 от 10/VII—29 г. — «Изв. НКТ» № 30—29 г.).

Проверка состава безработных.

НКТ СССР постановил снять вовсе с учета биржи труда (по всем секциям) следующие категории безработных: лиц, лишенных избирательных прав (согласно спискам местных избирательных комиссий), за исключением тех, которые в течение не менее пяти лет занимались производительным и общественно-полезным трудом и показали свою лояльность к советской власти; лиц, которые

хотя и не лишены по каким-либо причинам избирательных прав, но в настоящее время прибегают к наемному труду с целью извлечения прибыли или живут на нетрудовые доходы или занимаются торговлей, за исключением указанных ниже; членов семей их, если они находятся на иждивении этих лиц, за исключением тех, которые в течение не менее пяти лет занимались производительным или общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность к советской власти; лиц, виновных в хулиганских поступках на бирже труда, установленных судебными приговорами.

Члены профсоюзов, лишённые избирательных прав, снимаются с учета биржи труда со дня исключения их из профсоюза в связи с лишением избирательных прав. Остальные безработные, лишённые избирательных прав, снимаются с учета бирж труда немедленно по их выявлении.

Члены семей лиц, лишённых избирательных прав, снимаются с учета в те же сроки, в которые подлежали бы снятию лица, на иждивении которых они находятся.

Снять с учета биржи труда (по всем секциям) на определенный срок, устанавливаемый комитетом биржи труда, но не свыше одного года, следующие категории безработных: лиц, которые хотя и прибегают к наемному труду или занимаются торговлей, но не могут быть лишены избирательных прав согласно ст. 12 инструкции Президиума ЦИК СССР от 28 сентября 1926 г. о выборах в Советы (Собр. Зак. СССР, 1926 г., № 66, ст. 501 и 1929 г. № 19 ст. 161), в том числе безработных, занимающихся мелкой торговлей; лиц, которые имеют побочный заработок, обеспечивающий средства к существованию им самим и членам семьи, состоящим на их иждивении; лиц, виновных в систематических нарушениях установленного на бирже труда распорядка и привлеченных за это к судебной или административной ответственности.

Биржи труда заблаговременно объявляют через местные газеты о предстоящей проверке состава безработных. При этом биржи труда указывают, каким образом технически будет производиться официальное оповещение безработных о снятии их с учета (рассылка специальных извещений, вывешивание списков в помещении биржи труда, опубликование списков в газетах).

Независимо от официального оповещения о предстоящей проверке состава безработных, биржи труда должны привлечь к этому делу внимание всей советской общественности и провести соответствующую разъяснительную кампанию в печати и непосредственно среди безработных, объявляя цель и значение проводимой проверки.

На ряду с выявлением безработных, подлежащих снятию с учета биржи труда, в задачу проверки состава безработных входит также выявление кадров безработных, соответствующих тем требованиям, которые предъявляет к рабочей силе народное хозяйство как с точки зрения их социального положения и дисциплинированности, так и главным образом с точки зрения их квалификации.

В этих целях необходимо произвести проверку квалификации безработных на основании имеющихся документов или путем организации для них экспертизы.

(Пост. НКТ СССР № 224 от 13/VII—29 г.—«Изв. НКТ» № 30—29 г.).

Как регистрируются и посылаются на работу служащие, уволенные при чистке аппарата.

Лица, уволенные с запрещением службы во всех звеньях советского и кооперативного аппарата и в общественных организациях, принимаются биржами труда на особый учет. Эти лица не могут посылаться на работу в государственные предприятия и учреждения, в кооперативные и общественные организации.

Лица, уволенные с запрещением службы в определенной местности, принимаются биржей труда данной местности на особый учет. Эти лица не могут посылаться на работу в те государственные предприятия и учреждения и кооперативные и общественные организации, которые расположены в данной местности.

В прочих местностях эти лица регистрируются биржами труда на общих основаниях, но не могут посылаться ими на работу (в порядке переброски рабочей силы) в указанные выше предприятия, учреждения и организации, расположенные в местностях, в которых служба им запрещена.

Лица, уволенные с запрещением занимать должности в определенном ведомстве, учреждении, предприятии или организации, регистрируются биржами труда на общих основаниях, но не могут посылаться на работу в то ведомство, учреждение, предприятие или организацию, в которых служба им запрещена.

Лица, уволенные с запрещением занимать должности той или иной категории в советском и кооперативном аппарате и общественных организациях, регистрируются биржами труда на общих основаниях, но не могут посылаться на работу на указанные должности.

В тех случаях, когда запрещение службы установлено на определенное время, указанные в ст.ст. 17—20 ограничения в приеме на учет и в посылке на работу применяются биржами труда в течение этого времени.

Лица, неоднократно осужденные, не должны посылаться на работу в важнейшие государственные предприятия.

К лицам, уволенным из государственных предприятий и учреждений за нарушение трудовой дисциплины, применяется постановление НКТ СССР от 23 мая 1929 г. № 170 о порядке посылки на работу в государственные предприятия и учреждения лиц, уволенных за нарушение трудовой дисциплины. («Известия НКТ СССР», 1929 г., № 24).

(Пост. НКТ СССР № 224 от 13/VII—29 г.—«Изв. НКТ» № 30—29 г.).

Разрешается закрепление рабочей силы в сезонных отраслях народного хозяйства.

Всем государственным предприятиям и учреждениям, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам, производящим сезонные работы, предоставляется право закреплять за собой в конце каждого сезона тех работников, которые работали у них в текущем сезоне и желают продолжать работу у них также и в следующем сезоне.

Сезонными работами в настоящем сезоне считаются все работы, которые производятся не круглый год, как-то: строительные работы, производство строительных материалов, лесозаготовительные и сплавные работы, работы на торфоразработках, работы в сельском хозяйстве по зерновым и техническим культурам, работы на сахарных, рафинадных, винокурных и хлопкоочистительных заводах, на рыбных промыслах, путевые работы на железнодорожном транспорте, работы на водном транспорте, на замерзающих путях (в том числе и погрузочно-разгрузочные работы), работы в санаториях и домах отдыха и др.

Вся работа по закреплению работников должна производиться при ближайшем и непосредственном участии соответствующего фабзавкома, рабочкома и т. п.

Закрепление производится лишь при наличии гарантий со стороны хозорганов о том, что работы в следующем сезоне начнутся своевременно и что закрепленные работники будут обеспечены работой в данном хозоргане в течение всего сезона или большей части его.

В случае невозможности по производственным условиям гарантировать работу в течение всего сезона или большей части его, закрепление производится только по особому соглашению хозоргана с биржей труда. Однако, и в этом случае хозорган должен гарантировать определенный срок, на который закрепленные работники будут обеспечены работой.

Закреплению подлежат как рабочие, так и служащие, в том числе и административный, инженерно-технический, агрономический и медицинский персонал.

При равенстве квалификации работников первоочередному закреплению подлежат: работники, постоянно проживающие в городах, пригородах и фабрично-заводских поселках, затем работники из батрацкой, бедняцкой и середняцкой части сельского населения.

Ни в коем случае не подлежат закреплению лица из кулацкой части сельского населения.

(Пост. НКТ СССР № 225 от 16/VII—29 г.—«Изв. НКТ» № 30—29 г.).

Кто из снятых с работы по чистке соваппарата сохраняет профсоюзное членство.

Лица, снятые с работы по чистке аппарата по II и III категориям (т.е. сохраняющие право работать в предприятиях и учреждениях социалистического сектора), сохраняют свое союзное членство.

Лица, вычищенные по I категории, т.-е. лишённые права работать в советских, хозяйственных, кооперативных и прочих учреждениях и предприятиях социалистического сектора, после решения вопроса об их увольнении исключаются из профсоюза.

Исключение из профсоюза лиц, вычищенных по I категории, производится по постановлению правления по истечении 3-месячного срока со дня объявления решения соответствующего органа по чистке, каковое время предоставляется вычищенному для использования права обжалования решения первичного органа по чистке в вышестоящие инстанции. Не восстановленные в правах госслужбы в течение 3 месяцев исключаются из союза. Если исключённый из союза восстанавливается в правах госслужбы, он механически восстанавливается и в правах члена союза.

(Циркуляр НЦСПС № 155 от 6/VII—29 г.—«Труд» № 154—29 г.).

По союзным республикам.

О бюрократизме и волоките в судебном-следственном аппарате Белоруссии.

У нас в Белоруссии имеются случаи, что дела задерживаются больше года (Изм. ЦИК № 126—29 г.). Кто же виноват в этом? Конечно, могут быть явления, ни от чьей воли не зависящие, когда после возникновения дела не был обнаружен преступник, и дело было приостановлено, а затем возбуждено и т. п. Во-вторых, когда неопытный работник на месте (а мы в большинстве случаев такие) не может как следует ориентироваться и даёт неправильное направление, вследствие чего дело получает лишнее движение и переформление. И, в-третьих, также очень много случаев, когда дела затягиваются по вине руководящих органов, начиная от уч. помпрокуроров и кончая Верховным судом (особенно окружные суды маринуют дела). Бывают случаи, что дело ходит несколько месяцев по учреждениям, а затем оказывается, что его вовсе не стоило начинать. Обычно, дела затягиваются по вине бюрократического отношения руководителей (судебн. и прок. органов), не вникающих в достаточной мере в вопросы, ими разрешаемые и поручаемые низам, вследствие чего дела получают неправильное разрешение,— а отсюда волокита и на местах.

Нужно и должно, чтобы руководители своевременно и четко руководили. Помимо этого необходима широкая критика снизу и отзывчивое отношение к ней руководящего аппарата. Также необходимо, чтобы руководящее лицо, прежде чем дать то или другое поручение, само его тщательно и всесторонне взвесило и дало приблизительную основную установку—что и как сделать. Этого в подлежащих случаях требует УПК от прокурора и суда, но оно далеко не выполняется руководящими органами. Обычно, делается общая чисто-формальная отписка милиции, суду и следователю, и только тогда, когда уже поступит от низовых органов разрешенный вопрос, о нем начинают думать и делать указания. Сделай же это сначала—не было бы лишней переписки, повторных указаний и перedelываний сделанного. Правда, может случиться, что сперва нет возможности все предусмотреть; однако, общую директивную установку дать можно (признаки того или другого преступления, какие принять меры, и на что обратить внимание и т. п.).

Когда руководящий работник будет задумываться над дачей директивы, он тогда будет видеть, стоит ли вообще разрешать ту или иную переписку через органы дознания, следствия и суда: может быть ее можно и лучше разрешить через подлежащие административные органы, или же разрешить ее самостоятельно, только затребовав надлежащие объяснения того или иного лица или органа. В свою очередь, это даст возможность и низовому работнику более подробно вникать в дело.

Я хочу остановиться на нескольких характерных случаях бюрократического руководства.

В Бобруйском округе имеется 10 участковых и один старший следователь, 4 участковых и два камерных прокурора, всего 14 районов, столько же районных милиций. Отсюда видно, что руководящего аппарата достаточно. Вот, что было по одному из прокурорских участков:

В 1928 г. на лесника Любаньского лесничества, гр. Красневского, было произведено разбойное нападение. По этому делу в 8 следучастке произведено было расследование, и обвиняемые понесли наказание. Спустя некоторое время в 3 участок к прокурору Бобруйского округа, т. Вайтешонку, поступила заметка об этом же деле, из которой не было видно, что обвиняемые уже наказаны. Помпрокурора, не выяснив у себя по книгам, не велось ли по этому делу следствия, поручил расследование 10-му следучастку. Когда следствием были добыты данные о том, что по этому делу было произведено следствие, и обвиняемые осуждены, что преступление совершенно не в 10, а в 8 участке, тогда следователь дело направил в пор. 2 ст. УПК. Однако, учпомпрокурора, не проверив правильности ссылок по своим и следователя 8-го участка книгам (их канцелярии вместе), возвращает дело в 10 участок с требованием приложить «официальные данные», подтверждающие, что это дело было в производстве. Для получения «официальных данных» потребовался вызов потерпевшего и производство ряда ненужной переписки, а дело пролежало еще больше месяца. Другой пример:

В начале 1929 г. письмомоссы Краснослободской почты, Пилят и Шкурко, в один из воскресных дней, во время разборки почты пропустили в помещение почты двух белоруссов, а когда туда же хотели войти еврей Рейнгольц и другие, они их вытолкнули обратно. Об этом было возбуждено дело. Пилят и Шкурко были привлечены, как за злоупотребление властью. Когда дело поступило в порядке 211 ст. УПК к учпомпрокурору, он его возвратил со следующей резолюцией: «Обсудить вопрос—нет ли антисемитизма, а если нет, то перекалвалифицировать на 197 ст. УК (б. 106)». Следователь этот вопрос уже обсуждал во время следствия, и, не найдя признаков разжигания национальной розни, квалифицировал по 196 ст. УК. Таким образом, поручать ему повторить то, что он уже делал, не выдерживает критики. По моему мнению, прокурор, прочтав дело, сам должен был обсудить вопрос, нет ли в данном деле признаков антисемитизма, и, возвращая его, дать конкретные указания. В другом случае, он мог просто перекалвалифицировать деяние с 196 на 197 ст. УК, если моменты обвинительного заключения склоняли его к другой квалификации (227—229 ст. УПК, цирк. НКЮ РСФСР, № 86—25 г.). Возвращением же дело было задержано еще на месяц и лишь только для того, чтобы вызвать за несколько верст обвиняемых и спросить у них, что они могут добавить по вновь предъявленному обвинению, и израсходовать затем еще несколько листов бумаги на переписывание обвинительного заключения.

В марте мес. 1929 г. окружной суд, рассматривая дело по обвинению гр. Уласовича в поджоге, вынес определение о дополнении следствия для «более подробного допроса ранее допрошенных свидетелей и вызова их затем в суд и установления фамилии Павла». Дело, после выполнения поручения суда и оформления следователем, с постановлением, в котором было описано, что после выполнения поручения суда новых данных, которые могли бы внести изменения в обвинительное заключение, не добыто, послано, в порядке 211 ст. УПК, при старом обвинительном заключении. Учпомпрокурора, к которому оно поступило, возвратил с предложением,—переписать обвинительное заключение, ссылаясь на нарушение 209 ст. УПК. По моему мнению, здесь бюрократическое отношение как у суда, давшего какие-то непонятные поручения о передопросе неизвестно для чего свидетелей и установления фамилии Павла, так и прокурора, нашедшего формальное нарушение 209 ст. УПК. Прокурор не задумался над тем, что возвращением дело будет затянута еще на некоторое время и что для переписывания обвинительного заключения нет никаких поводов. Если же он их нашел, то, возвращая дело, должен был указать на них, или же пересоставить обв. заключение. Это дело и так пролежало по возвращению из суда с апреля по май месяц, а дополнительным возвращением прокурор задержал его до 7/VI—29 г., в то время как по делу находился под стражей обвиняемый. Подобных случаев немало.

Не менее важным в вопросе борьбы с волокитой я считаю возбуждение мало обоснованных дел по разному рода заявлениям, которые могли бы быть разрешены в административном или ином порядке, помимо органов следствия и дознания. Так, напр.:

а) В камеру прокурора поступило заявление о том, что пом. лесничего Герасимович неправильно отпустил

лес, якобы, зажиточному гражданину. Это заявление проверено органами дознания—лесничеством, при чем выяснено, что действительно Герасимович отсутствовал во время продажи леса из ближайшей дачи дрова гр-ну Брановицкому но что тот не является зажиточным. Лес Герасимович отсутствовал Брановицкому потому, что в его квартире производилась продажа, в то время, как другие такой квартиры не предоставляли. При этом же Брановицкий лес получил не свыше нормы; после него и с той же дачи получил дрова целый ряд его односельчан. В таком случае в действиях пом. лесничего отсутствовал состав уголовного преступления. Учпомпрокурора, невзирая на ясность дела, все же поручил следователю произвести следствие, не указав, однако, по каким моментам, согласен ли он, вообще, с материалом дознания. Конечно, следователь должен был повторить лишь проверку того же и затем послать дело на прекращение, проделав только лишнюю работу.

б) На председателя Чепелевского сельсовета гр. Холода поступило заявление о том, что он не принял мер к выявлению объектов обложения. Аналогичное заявление поступило и на Красноворский с/совет. По обоим заявлениям производилось дознание и было установлено отсутствие каких-либо уголовных деяний. Когда эти дознания поступили к учпомпрокурора, он также поручил произвести расследование, хотя из материала дознания была ясно видна нецелесообразность повторять те же действия, какие уже произвела милиция.

Окружной прокурор, куда затем поступило дознание, не ознакомившись с самим дознанием и на основании имевшейся в деле препроводительной учпомпрокурора, сделал лишь ссылку на 118 ст. УПК. После таких указаний, следователь принял в свое производство в порядке 109 ст. УПК и затем написал постановление о прекращении. Только тогда прокуроры были «удовлетворены».

Кроме этого, необходимо упомянуть и такие случаи, как затяжка срочных расследований по заметкам по вине самих руководящих органов.

В марте м-це селькор Шестаков подал в прокуратуру Республики Беларусь заявление, в котором указал на целый ряд злоупотреблений в райисполкоме и о гонении на него со стороны районных работников. Пом. прокурора Республики тов. Кипарисов наложил резолюцию: «В десятидневный срок произвести следствие». Однако, это заявление попало к следователю более, чем через ме-

сяц, ибо оно ходило по инстанциям в то время, как его можно было непосредственно послать из прокуратуры Республики в камеру следователя.

Таких явлений, как мной выше описанных, в наших условиях масса. Хотя они и мелочны, но, в общем, низовому работнику в них трудно разобраться.

К этому считаю необходимым добавить нечто о рационализации следственного аппарата и приближении его к массам. У нас в Бобруйском округе приходится на каждого следователя на участок 1½ района в среднем и около 100.000 населения с радиусом обслуживания в 45—50 верст.

У каждого следователя есть своя смета около 1800 руб. на все расходы, при каждой камере имеется технический работник, при чем камеры размещены так, что их можно без нарушения радиуса обслуживания соединить две в одну, как это сделали у нас в некоторых местах с судами (а я думаю они размещены так и по всей Белоруссии). Поэтому я считаю необходимым, где это возможно, соединить по две камеры, в одну и около камеры учпомпрокурора (за это у нас высказалось эконо. совещание). Соединив две камеры в одну, можно сократить одного техработника, а когда будут соединены канцелярские и командировочные, то их, приблизительно, хватит, а раньше не хватало. Этим самым будет улучшено обслуживание, ибо больше будет возможности делать выезды и будет уничтожена также переписка с учпомпрокурорами. А из двух следователей (один из них может быть и практикант) один может быть всегда на районе: выезжать по срочным делам и т. д., а то у нас получается теперь так, что если следователю нужно выехать на происшествие, так он должен отпустить сначала вызванных на этот день на допрос лиц по другим делам. Также и с расследованием срочных дел приходится оставлять ранее начатое дело. Этим самым нарушается плановость и затягиваются дела. Таким соединением камер можно повысить работоспособность следователей, так как будет с кем обменяться мыслью, тем более когда камера следователя будет вместе с камерой помпрокурора. Не будет также уменьшено и руководство органами дознания, так как постоянно находящийся на районе один из следователей будет иметь возможность всегда проверить работу и помогать в ней органам дознания.

А. Черленок.

м. Старобин.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ №№ 105 и 106.

Циркуляр № 105.

ВСЕМ КРАЕВЫМ И ОБЛАСТНЫМ СУДАМ.

Копия: НКЮ и главсудам автономных республик.

Об отмене п. 12 циркуляра НКЮ № 153—28 г.

На основании предложения НКРКИ РСФСР, Народный Комиссариат Юстиции предлагает составление судебными исполнителями и милицией ежемесячной отчетности о взыскании штрафа, судпошлин и других сборов в доход Республики по п. 12 циркуляра НКЮ № 153 и НКФ № 229 и высылку этой отчетности в народные суды и финансовые отделы отменить.

И. о. начальника организационно-инструкторского управления Уваров.

Циркуляр № 106.

ВСЕМ КРАЕВЫМ (ОБЛАСТНЫМ) ПРОКУРОРАМ И СУДАМ.

Копия: НКЮ автономных республик.

О надзоре за газетными заметками.

По имеющимся в Народном Комиссариате Юстиции сведениям, расследование газетных заметок разоблачительного характера в местных органах прокуратуры производится недостаточно быстро, а в ряде случаев это расследование затягивается без достаточных оснований на долгое время. Равным образом, наблюдается медленность рассмотрения судами поступающих к ним из органов расследования уголовных дел, возникших по газетным замет-

кам. В частности, дела эти в ряде случаев откладываются слушанием по несколько раз исключительно по формальным основаниям, или вследствие недостаточной предварительной их подготовки (невывоз нужных свидетелей, рассылка повесток без учета времени, необходимого для их возвращения, несвоевременное истребование нужных справок и т. п.).

В результате всего этого к моменту рассмотрения дела в суде указанные в заметках факты теряют свое общественное значение и интерес общественности к ним резко ослабляется.

Помимо этого, в работе ряда местных прокуратур по наблюдению за газетными заметками имеются еще следующие недочеты:

1) не всегда внимательное ознакомление с газетными заметками, в результате чего некоторые из них получают неправильное направление:

2) направление заметок для расследования по трафарету без указания примерного плана расследования и основных моментов, подлежащих проверке;

3) формальное расследование заметок без достаточного учета их общественного значения;

4) отсутствие в ряде случаев достаточной настойчивости в деле борьбы с несвоевременным представлением различными органами и учреждениями материалов, сведений и т. п., необходимых для проверки изложенных в газетной заметке фактов;

5) штампование о прекращении дела по заметке, несмотря на неудовлетворительность произведенного расследования;

6) неизвещение редакций газет о конечном результате расследования по газетной заметке;

7) отсутствие или недостаточная четкость разграничения работы по расследованию газетных заметок между вышестоящим и нижестоящими прокурорами, с одной стороны, и между прокуратурой и другими органами — с другой. В результате этого по одной и той же заметке производится расследование несколькими органами;

8) отсутствие определенного лица, специально выделенного для поддержания постоянной связи с редакциями газет;

9) отсутствие точного и, в виде минимума, обязательного перечня газет, систематическое ознакомление с которыми для данной прокуратуры обязательно.

Все отмеченные ненормальности и недочеты понижают роль печати в деле выявления всякого рода социально-опасных явлений и ослабляют борьбу органов юстиции с этими явлениями.

В виду изложенного Народный Комиссариат Юстиции предлагает:

1. Поступающие из редакций газет разоблачительные материалы и газетные заметки и корреспонденции о различных преступлениях как напечатанные, так и ненапечатанные, — принимать к своему производству и расследовать в срочном порядке, установив, как правило, предельный срок расследования в один месяц. Удлинение этого срока допускать в исключительных случаях, в виду сложности дела.

2. К производству расследования газетных материалов разоблачительного характера привлекать общественность (административно-правовые секции, группы содействующих и проч.), проводя эту работу в соответствии с указаниями циркуляра НКЮ № 64 от 15 мая 1929 г.

3. Поступающие в суды от органов расследования дела указанной категории рассматривать незамедлительно, установив, как правило, предельный срок рассмотрения в две недели; удлинение этого срока допускать в крайних случаях, когда по объективным причинам (напр., отсутствие обвиняемого, свидетелей и т. п.) не представляется возможным рассмотреть дело в судебном заседании без явного ущерба для правильности его разрешения по существу.

4. При ознакомлении с газетными заметками серьезно и внимательно обсуждать вопрос о порядке направления данной заметки (в административные органы или в органы расследования: следователю, милиции, УРО), и о том, требуется ли вообще вмешательство прокуратуры в данном конкретном случае. При этом нужно учитывать не только сложность данного расследования, но и общественное значение изложенных в газетной заметке фактов.

5. При направлении газетных заметок для расследования, обязательно давать, по возможности полные указания об основных моментах, подлежащих проверке.

6. Решительно реагировать (вплоть до привлечения к ответственности виновных лиц) на все случаи несвоевременного представления соответствующими лицами различных материалов, сообщений и т. п., необходимых для проверки правильности содержания газетной заметки.

7. Вменить в обязанность следователям с особой тщательностью и вниманием проверять поступающие к ним в порядке п. 1 ст. 105 УПК дознания по газетным заметкам. В этих целях установить порядок, в силу которого все прекращенные следователем дознания по газетным заметкам должны храниться в отдельном наряде.

Прокуратуре периодически с этими нарядами знакомиться.

8. О результате расследования по газетным заметкам сообщать в редакции соответствующих газет. Помимо этого, в случаях передачи дела в суд, доводить до сведения редакции результаты судебного рассмотрения (уведомления первого рода сообщаются прокуратурой, а второго — соответствующим судом).

9. Принять меры к созданию в краевых (областных) и окружных центрах комиссий из 3-х представителей по одному от прокуратуры, РКИ и местной газеты для разработки мероприятий, обеспечивающих размежевание работы прокурорского надзора и других органов, в особенности, РКИ, по расследованию газетных заметок. Эти комиссии мыслятся в виде периодически создаваемого постоянного органа, разрешающего все встречающиеся в процессе работы наиболее важные вопросы по расследованию газетных заметок, которые требуют совместно обсуждения.

10. В каждом краевом (областном) и окружном центрекрепить отдельного помпрокурора к редакции газеты (а если в данном городе имеется несколько газет, то ко всем редакциям) в целях поддержания с ними постоянной живой связи и взаимной информации.

11. Каждая прокуратура обязательно должна получить определенное количество газет и реагировать на помещаемый в них разоблачительный материал. В целях устранения параллелизма краевых и нижестоящих прокуратур по расследованию одних и тех же газетных заметок, надлежит установить следующий порядок:

а) краевая (областная) прокуратура берет под свое наблюдение газетные заметки, помещаемые в краевых и центральных органах печати.

Примечание 1. Из центральных органов печати в краевых прокуратурах обязательно ознакомление с следующими газетами: «Известия», «Правда», «Комсомольская Правда», «Крестьянская Газета», «Беднота» и «Труд».

Примечание 2. Перечень газет, обязательных к выписке окружными и районными прокуратурами, устанавливается краевыми прокуратурами.

б) Окружные и районные прокуратуры берут под свое наблюдение газетные заметки, помещаемые в органах печати, 1) выходящих в соответствующих окружных и районных центрах, и 2) обязательных к выписке, согласно примечания 2 предыдущего пункта;

в) в виде общего правила, по заметкам, помещенным в газетах, необязательных к выписке нижестоящими прокурорами, и излагающих факты, имевшие место в пределах территории, подведомственной нижестоящему прокурору, наблюдение за расследованием осуществляется этим прокурором, которому вышестоящая прокуратура направляет соответствующую газетную заметку. По окончании расследования, вышестоящая прокуратура ставится в известность о результатах расследования.

Примечание 3. Окружной и районный прокурор, по принадлежности, не освобождается от обязанности немедленно принимать к своему производству ставшие ему известными газетные заметки, помещенные в органах печати, систематическое наблюдение за которыми для него не является обязательным.

г) В тех случаях, когда за одним и тем же органом печати наблюдает вышестоящая и нижестоящая прокуратура, последняя принимает ту или иную заметку к своему производству, не ожидая соответствующего предложения вышестоящей прокуратуры и доводит об этом до ее сведения.

Народный Комиссар Юстиции Н. Янсон.

5 сентября 1929 г.

Набор слушателей В. Ю. К. на 1929/30 учебный год закончен и комиссия при НКЮ, ведавшая разрешением вопросов комплектования ВЮК, свою работу прекратила, поэтому Народный Комиссариат Юстиции ставит в известность всех судебно-прокурорских работников о том, что поступающие вновь ходатайства о зачислении на ВЮК будут оставаться без рассмотрения.

Грид. Нач-к орг. инстр. управления НКЮ Уваров.

Издатель: { Государственное Юридическое
Издательство РСФСР.

Вр. и. о. Ответственного Редактора: Ф. М. Нахимсон.